

Вячеслав Сукачев

18+

В той стороне, где жизнь и солнце

повесть и рассказы

Вячеслав Сукачев

В той стороне, где жизнь и солнце

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сукачев В. В.

В той стороне, где жизнь и солнце / В. В. Сукачев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-09614-1

Личное счастье — счастье любви, главная тема этой книги. Героями большей части рассказов стали люди 80—90-х годов прошлого века: врачи, учителя, рабочие, студенты... Люди самых разных возрастов и разной судьбы объединены одной общей темой — темой любви. Порой она бывает, как лавина в горах, порой — хрупкая, ненадежная, прячущаяся даже от самого героя... Около десяти рассказов этой книги были экранизированы на киностудии «Мосфильм», в том числе такими мэтрами кино, как Сергей Соловьев и Андрей Эшпай.

ISBN 978-5-532-09614-1

© Сукачев В. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пикник	5
Рассказы	29
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Пикник

Маленькая повесть

I

В пятницу, преодолевая нервозность последнего дня недели, отдел Виктора Степановича Кравцова спешно заканчивал выгодный проект механизированного нижнего склада Северного леспромхоза. Работа была плановая, горячая, от которой зависел заработок не только подведомственного Кравцову отдела, но и институт в целом. И поэтому на Виктора Степановича мягко нажимал Сам – дважды лично звонил по внутреннему телефону. И Виктор Степанович поторапливал своих проектировщиков. Впрочем, особенно поторапливать и не требовалось, так как они хорошо знали, что именно сейчас, в этой вот сутолоке и запарке, решается судьба заработной платы, которая уже давным-давно была разорвана на части – запланирована к уплате отпускных долгов, прибавлена к тем небольшим сбережениям, которые требовались для серьезной подготовки к близящейся зиме. И все это было, как нарочно, в преддверии двух выходных дней – пожалуй, последних выходных дней, приходящихся на короткое бабье лето.

Сергей Петрович Журавлев отвечал в проекте за электрическую подстанцию, которой надлежало обеспечивать нижний склад леспромхоза электроэнергией. Он понимал, что ему, как молодому специалисту, работу дали пустяковую и, все-таки, был очень доволен тем, что давно с нею справился. Хочешь-не хочешь, а как-то так думалось, что остальные еще копаются, нервничают, а вот он, вчерашний студент Сережка Журавлев, выше этого: надо было сделать – сделал... Короче: мужик сказал – мужик сделал...

В половине шестого, с готовым проектом на руках, Виктор Степанович убежал к заказчикам, благо располагались они в том же здании, только двумя этажами ниже. В отделе наступила томительная пауза, которую никто и ничем не хотел заполнять. Все ждали решения заказчиков: примут или будут придирааться по мелочам.

– И когда это мы начнем работать спокойно? – ни к кому особенно не обращаясь, задумчиво спросила Зоя Георгиевна, старший инженер отдела труда и заработной платы. – И при коммунистах, и при демократах – все одно и то же... Тогда мы боролись за план, а теперь гоняемся за каждой копейкой...

– А никогда не начнем, – нервно ответила из-за противоположного стола Люся Сеницына. – Нечего и надеяться. Особенно – в нашем дурдоме.

– Да я и не надеюсь, – вздохнула Зоя Георгиевна, облизывая мягкие, полные губы. – Жаль только, если наш пикник сорвется. И так радостей – никаких, одни заботы да головная боль.

– Это почему же он сорвется? – встревоженно спросили сразу несколько голосов.

– Как это «почему»? – удивилась Зоя Георгиевна. – Если мы проторчим здесь до позднего вечера, кто же нам будет продукты закупать?

– Действительно, братцы, – живо откликнулся Федор Иванович, обводя недоуменным взглядом отдел. – А ведь еще и водочкой запастись надо – всенепременно...

– Век бы ее не видать! – категорично отрезала Люся Сеницына.

– Это почему же? – Федор Иванович всем корпусом повернулся в сторону Сеницыной. – Не умеете пить – не пейте, что же другим запрещать?

– А ты, Федор Иванович, – улыбнулась Зоя Георгиевна, – давно ли пить научился? Первый раз слышу...

И в это время дверь распахнулась, и в кабинет влетел сияющий Виктор Степанович Кравцов. Маленький, плотный, он быстро просеменил к своему столу, упал на стул и торжественно выдохнул:

– Приняли!

– И даже без замечаний? – сильно удивилась Зоя Георгиевна.

– Представь себе, – кивнул круглой, аккуратно подстриженной головой Кравцов. – Целиком и полностью.

До самой последней минуты Сергей Петрович Журавлев всерьез опасался того, что в его подстанции обнаружится какая-нибудь ошибка, и теперь облегченно перевел дыхание, блестящими глазами обводя товарищей по отделу. Это был его первый проект, и он мысленно поздравил себя с удачным началом.

Все засуетились, начали поспешно вскакивать со своих мест, но Зоя Георгиевна решительно вскинула руку:

– Минуточку, господа! Давайте распределим обязанности. Значит так: мужчины покупают вино... Виктор Степанович, а картошка у тебя на даче есть?

– Найдется, – Кравцов все еще блаженно улыбался, с любовью и нежностью оглядывая отдел.

– Тогда все в порядке, – заключила Зоя Георгиевна. – Сережа, вы не забыли – сбор ровно в девять утра у института?

– Нет, не забыл, – Сергею было приятно, что Зоя Георгиевна вот так, персонально, обратилась к нему.

А уже через минуту трудно было поверить в то, что здесь, в этой просторной комнате, решалась судьба зарплаты, так вдохновенно и скрупулезно принялись все обсуждать мельчайшие детали будущего пикника.

II

Вечером этого дня Виктор Степанович Кравцов разморено сидел у себя на кухне. Он только что принял ванну, растерся махровым полотенцем и теперь сидел у кухонного раздвижного стола, промокая полотенцем блестящие бисеринки пота, проступающие на аккуратном, покато лбу. Его жена, Нина Петровна Кравцова, тоже маленького росточка, уютная, обстоятельная женщина, к сорока годам начавшая слегка полнеть, приготовила чай, ловко разложила на блюде несколько ломтиков Костромского сыра, колбасу и все это не без удовольствия подала мужу. Пока Виктор Степанович пил чай, по старомодному прикусывая мелко наколотый сахар, Нина Петровна поставила жарить картошку, достала из холодильника банку соленых огурцов, и вдруг огорченно вздохнула. Виктор Степанович этот вздох перехватил и вопросительно уставился на жену.

– Я ведь думала, что у нас в холодильнике осталась баночка груздей, – развела пухлые ручки Нина Петровна.

– Ну и что?

– Да ведь в кладовку надо будет сходить, а ты после ванны.

– Экая беда! – отмахнулся Виктор Степанович. – Только обойдешься ли ты баночкой груздей? Народу-то никак не меньше двенадцати человек будет.

– Сколько?! – ужаснулась Нина Петровна, округляя блестящие при свете электричества глаза.

– Посчитай сама...

– Да это ведь не пикник уже, а свадьба... Мы так-то в один присест все зимние припасы прикончим.

– Так уж и все, – улыбнулся Виктор Степанович. – Твоих запасов на пять лет хватит.

Нина Петровна слегка порозовела от удовольствия, но все-таки спросила:

– Откуда столько народа?

– Давай считать, – Виктор Степанович вытянул руку и загнул первый палец, – Зоя Георгиевна с мужем и племянницей – раз...

Это с какой племянницей, Веркой что ли? – перебила жена.

– А то...

– Она-то нам зачем?

– Стратегия, – усмехнулся Виктор Степанович. – Ладно, дальше считаем: Федор Иванович с женой – два, Люся Синицына со своим...

– Вот уж кого не надо бы приглашать, – вновь перебила Нина Петровна.

– Как не пригласить – рядом работаем?

– Да уж чего там, – Нина Петровна поставила хлебницу на стол, посыпала жареную картошку мелко нарезанным укропом и, выкладывая огурцы из банки на тарелочку, громко крикнула в комнату.

– Алена, ужинать!

– Сейчас, – едва донеслось из комнаты.

– Та-ак, а кто еще? – Нина Петровна внимательно посмотрела на загнутые пальцы мужа.

– Сережа Журавлев.

– Он-то пока один?

– Один... Значит, с нами получается десять человек?

– А меня посчитать не забыли? – на кухню вошла Аленка.

Отец внимательно посмотрел на дочку: в халате, с распущенными густыми волосами, она выглядела несколько старше своих пятнадцати лет. Виктор Степанович улыбнулся и нерешительно спросил:

– А в школу?

– Подумаешь, один день пропущу, – пренебрежительно тряхнула маленькой, в отца, головой Аленка, – ничего не случится.

– Ты бы волосы прибрала, – построжала голосом Нина Петровна. – Натрясешь по всей кухне.

– У тебя занятия аэробикой, – все еще не сдавался отец.

– Ну и что! – Аленка села за стол и взяла ломтик сыра.

– Не кусочничай давай, – Нина Петровна поставила перед мужем тарелку с румяно поджаренной картошкой, – положи сыр на место.

– Я есть хочу, – поджала полные губки Алена.

– Вот и ешь, – мать подвинула тарелку с картофелем дочери.

– Так как же нам быть с Аленкой? – спросил Виктор Степанович, возбужденными глазами наблюдая за тем, как жена достает из холодильника бутылку коньяка и наливает ему положенную после ванны рюмку.

– Пусть едет, – неожиданно легко соглашается Нина Петровна, – а то когда она еще за город выберется.

– Ур– ра! – негромко восклицает Аленка, признательно трогая мать за локоть.

И вот уже все они сидят за кухонным столом, и Виктор Степанович не спеша проглатывает свои положенные сто грамм.

– Ух! – с удовольствием выдыхает он, подхватывая вилкой маленький, светлый огурчик.

– Коньяк надо закусывать лимоном, – говорит Аленка, – или шоколадом.

Ишь ты, грамотная какая, – усмехается мать.

– Ну, а кто из твоих поедет? – спрашивает Виктор Степанович, наваливаясь на картофель.

– Как всегда, – пожимает полными плечами Нина Петровна, – Варвара и Сан Саныч...

– Тогда, значит, тринадцать человек? Чертова дюжина, – поднимает вопросительные глаза на жену Виктор Степанович.

– Где мы их всех там разместим? – думает о своем Нина Петровна.

– Это кто же тринадцатый получается? – морщится Кравцов.

– Папулечка, а Сергей Петрович тоже едет? – вдруг спрашивает Аленка, отводя упавшую на лицо темную прядь волос. И таким законченно женским движением делает это она, так взросло прищуривает глубокие, карие глаза, что Виктор Степанович вновь долго и внимательно смотрит на дочь, рассеянно тыкая вилкой в пустую тарелку.

– Тебе картошки подложить? – спрашивает жена.

– Нет, я наелся, – не сразу отвечает Виктор Степанович, против своей воли подсчитывая разницу в возрасте между дочерью и Сережей Журавлевым. «Многовато, – думает он, – семь лет – многовато...»

III

Зоя Георгиевна не любила майонез. Именно поэтому домой она вернулась в десятом часу вечера – по всему городу искала сметану. Вернулась до предела усталая, но шумная и довольная.

– Севочка! Сева! – прокричала она из прихожей, – принимай скорее сумки и подай мне, пожалуйста, халат.

Сева, весь вечер терпеливо поджидавший супругу, досматривал спортивное обозрение, но на зов жены отреагировал мгновенно.

– Как я устала, Севочка, – пожаловалась Зоя Георгиевна, с блаженством высвобождая отекавшие за день ноги из туфель на высоком каблуке и накидывая халат. – Ты даже представить не можешь.

– Я сейчас фрикадельки разогрею, – поспешил на кухню Сева. Зоя Георгиевна задержалась у трюмо, легонько взбила волосы, разгладила кожу под глазами и, покосившись на светящийся экран телевизора, тоже пошла на кухню.

Сева был невысок ростом, смотрел на супругу снизу вверх, отчего за толстыми стеклами очков его глаза приобретали наивно-глуповатое выражение, к которому Зоя Георгиевна давно привыкла.

– Дважды звонила Верочка, – сообщил Сева супруге.

– Да, – оживилась Зоя Георгиевна, – и что она говорит?

– Спрашивала тебя, – Сева накрывал на стол.

– А чего спрашивать-то? Давно надо было приехать сюда... Да, Севочка, поставь, пожалуйста, варить свеклу...

В это время в прихожей звучит мелодичный электрический звонок. Зоя Георгиевна, сделав знак мужу, сама идет отпираться.

– Верочка! – восклицает обрадованная Зоя Георгиевна. – А мы только что говорили о тебе.

– Значит, едем? – спрашивает Верочка, легко освобождаясь от тонкого плаща и бросая сумочку на телефонную полку.

– Конечно! И все решилось, представляешь, в самую последнюю минуту. Мы просто извелись, пока Виктор Степанович заказчиков уламывал: богатые нынче капризными стали...

Верочка выскочила из белых босоножек, мельком оглядела себя в трюмо и только после этого чмокнула тетку в щеку.

– Как там мать?

– Нормально.

– Не ворчала, что ты ей опять Валерку подбрасываешь?

– Ну да – не ворчала! – хмурит выщипанные брови Верочка. – Пыль до потолка была...

– Ничего, перебьется, – усмехается Зоя Георгиевна и, приобняв племянницу за талию, ведет ее на кухню.

– Я в двери, а Валерка – в рев, – жалуется Верочка, чувствуя себя легко и спокойно в уютной и тихой теткиной квартире.

– Заплакал?

– Ну, как нарочно... А она к нему не подходит.

– Ишь, ведь какая, – осуждающе кивает Зоя Георгиевна. – Вот всегда, всю жизнь такая была... Все у нее не как у людей.

Верочка в давнем негласном створе с теткой против своей матери, родной сестры Зои Георгиевны.

– Так я и ушла, а он плачет...

– Ничего страшного – поплачет, да перестанет... Севочка, – повернулась Зоя Георгиевна к мужу, – у тебя готово?

– Да, все на парах.

– Тогда давай: страх как есть хочется. Да и Верочка, наверное, голодная?

– Я вообще-то перекусила, но не откажусь...

– И правильно сделаешь, – Зоя Георгиевна достает из холодильника наливку и разливает в две рюмки.

– А дядя Сева? – вопросительно смотрит на тетку Верочка.

– Он не будет, – отмахивается Зоя Георгиевна, а потом все-таки спрашивает: – Ты выпьешь с нами?

– Нет-нет, спасибо, – вскидывает острый подбородок Сева. – Я хочу еще поработать.

Они выпивают, сладко морщатся и принимают за тефтельки с рисом. Сева быстро съедает свою порцию, выпивает кружку виноградного сока и, извинившись, под одобрительные взгляды жены покидает кухню.

– Какой он славный, – не в первый раз говорит тетке Верочка, – вежливый...

– Вот бы и тебе такого, – круто поворачивает разговор Зоя Георгиевна. – А то в прошлый раз отыскала – срам смотреть.

– Ну, почему же? – возражает Верочка, но тетка перебивает ее:

– И не спорь со мною! Таких мужиков в базарный день – по дюжине на копейку дают...

Хватит, ты на одном обожглась, вон, Валерка, сиротою растет – больше не надо...

Верочка согласно молчит, хотя тон, взятый Зоей Георгиевной, коробит ее. Но Верочка знает, чего хочет, и потому немного играет с теткой в этакую смирную и послушную родственницу, которой и слова-то умного некому сказать...

– Теперь вся проблема в том, – продолжает Зоя Георгиевна, – как ты сумеешь себя показать... Парень он еще молодой, девками не избалован, вот и лови момент... Выпьем еще по рюмочке?

– Не знаю, – Верочка, низко опустив белокурую голову, тщательно обминает угол клеенки, и очень хорошо, что Зоя Георгиевна в эту минуту не видит глаза своей племянницы.

– Будь что будет, – решает Зоя Георгиевна, – выпьем еще по одной! Выпьем за то, чтобы все завтра сладилось...

IV

Сергей Журавлев долго бродил по набережной, устало вороша листья ногами. Он видел, как за рекой медленно клонилось долу огненное колесо, устав катиться по синему простору небес. Он было задумался, вприщур глядя на это колесо и представляя угрюмый праздник, который творит там пламя, но тут же отвлекся на пробежавший вниз по реке катер, с которого доносилась громкая музыка. Казалось, что в осеннем воздухе музыка звучит особенно громко, рассыпаясь на мелкие осколки, как рассыпается весной натаившая льдина. А вот в июле, когда Сережа только приехал в этот город, музыка звучала приглушенно – ее звонкие углы словно бы слизывали теплые, медлительные волны...

И тут же Сережа Журавлев припоминает, как прикатил он из аэропорта в институт на такси, какие у него были в то время мысли и планы. Теперь, конечно, смешно, а тогда...

– Разрешите прикурить? – попросил прохожий.

– Пожалуйста.

– Да, планы... Конечно, он мечтал получить настоящую работу и сразу показать себя. Показать все то, чему его научили за пять лет. Но – увы! Этого от него не потребовалось... Два дня он прожил в институте, по ночам устраиваясь спать на сдвинутых столах. Потом ему

выбили дешевое место в маленькой гостинице, где он и прожил почти полтора месяца, пока решался вопрос с комнатой в общежитии. За это время студенческий пыл Сережи Журавлева поулег, он успокоился, и уже не мечтал осчастливить кого-то своим трудовым прилежанием. Хотя и смутно, размыто, но Сергей начал представлять, что от него требуется, и будет требоваться впредь в проектном институте. Конечно же, это никак не укладывалось в те его честолюбивые планы, которыми он жил пять вузовских лет. Если говорить банально, ему просто-напросто подрезали крылья, сознательно убедив в том, что пешим порядком он и дальше уйдет, и надежнее сохранится...

А жизнь в гостинице была веселая. То и дело менялись соседи по комнате, оставляя в записной книжке Сергея адреса и телефоны. Вечерами он спускался ужинать в ресторан, и уже после первой недели его там знали и принимали как своего. А однажды...

– Проснись, дорогуша!

Сергей Журавлев чуть было не налетел на ту, ради которой прогуливался по набережной, пробудившей в нем столь разнообразные воспоминания.

– Извини...

– Прешь на меня, как локомотив, – Рая серьезно и внимательно смотрела прямо в глаза Сергея.

– Задумался...

– Это о ком же?

– Да нет, я о том, как приехал сюда...

– Рассказывай! – Рая взяла Сергея под руку, и они пошли в сторону дебаркадеров. – Небось, лошадку какую-нибудь припомнил?

– Что ты! Никого я не припоминал.

– Ладно, я пошутила.

Невысокого роста, крепенькая, с хорошим бюстом, Рая очень нравилась определенному кругу мужчин, в который Сережа Журавлев не входил, но он об этом пока не знал.

– А у меня завтра выходной, не забыл?

– Нет.

– Что делать будем?

Сильное, беспокойное тепло шло от Раечкиного плеча, упругое бедро то и дело подталкивало Сергея, с методичностью маятника упираясь ему в бок, и очень скоро тайные мысли Журавлева проступили бледным румянцем на щеках. Он вдруг стал нервно подергивать рукой и путать слова.

– Наши, понимаешь, едут... Весь отдел. У них давно уже... это там традиция такая.

Раечкино плечо затвердело, а маятник прекратил свою работу.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ну, как это, – замялся Сережа. – Они всем коллективом едут, это у них называется – «пикник».

– Значит, завтра ты едешь на пикник? – Рая остановилась, не спеша выдернула руку и уставилась на Сережу тем немигающим взглядом, каким всегда смотрела после одиннадцати часов вечера на еще не рассчитавшихся клиентов.

– Пойми, я не могу не поехать...

– Так бы и говорил сразу, котик, а то плетешь сети вокруг да около.

– Ну, извини, пожалуйста.

– Иди ты, знаешь, со своими извинениями...

Рая на минуту задумалась, сосредоточенно глядя в переносицу Журавлева. Наконец, лицо ее обмякло, она качнулась раз и другой, взяла Сережу под руку и решительно сказала:

– Ладно, пошли сейчас к тебе.

– Понимаешь, никак я не мог, – облегченно заговорил Сережа, пытаясь сбоку заглянуть в желтые Раины глаза. – Они-то ничего сразу не скажут, а потом...

– Да брось ты, честное слово! – Раечка нетерпеливо дернула рукой и прибавила шаг. – У тебя выпить дома есть?

– Найдется, – обрадовано сообщил Журавлев, – почти полная бутылка «Рислинга» стоит.

– Ну, это не выпивка, – нахмурилась Раечка. – Давай заскочим ко мне в ресторан.

И они быстро пошли вверх по бульвару, не замечая угасающие к вечеру, поникшие осенние цветы, исходящие последним летним теплом. И маятник, вновь стронувшись с места, мерно и тягуче свершал свою работу.

V

День выдался на славу: с самого утра взошло над землей радостное благолепие, сотканное из неподвижного воздуха, осенней свежести и ровного тепла откочевавшего в небо солнца. Правда, пока все были в городе – никто этого благолепия не замечал, а вот стоило им выйти из автобуса, разобрать свои вещи и по узкой аллейке направиться вглубь дачного поселка, как все завздохало и заохало. И лишь Сергей Петрович Журавлев безучастно плелся в хвосте, бесконечно зевая, спотыкаясь и проклиная всю эту затею.

Дача у Виктора Степановича Кравцова была просторная, с множеством пристроек, бетонированным погребом и электричеством. Сам дом был срублен из хорошего теса и годился для жилья зимой, а вот веранду и благоустроенный чердак Кравцовы приспособили для летнего отдыха. Особенно хорош был чердак: с топчанами, гамаком и великолепным видом сквозь большое слуховое окно на речку Каменушку. Несколько соток плодоносящего сада (в основном яблони и груши), грядки с клубникой, кусты малины и смородины живописно окружали строения.

– Все продукты, господа, несите на летнюю кухню, – распорядилась Зоя Георгиевна.

– Мясо надо бы в погреб, – робко заметила Нина Петровна.

– На кухне мы и разберемся, что куда определить... Сева! Севочка! Достань мне, пожалуйста, сметану из сумки.

– Да-а, братцы, природа, – выдохнул Федор Иванович.

– Мужчины могут покурить, – разрешила Зоя Георгиевна.

И дача Кравцовых ожила, загудела, тут и там замелькали между деревьями и строениями нарядные платья, потянулись в прозрачный воздух голубоватые дымки сигарет.

Федор Иванович, с утра пребывавший в отличном расположении духа, глубоко вдыхал воздух, разминал плечи, надоедая Сереже Журавлеву восторженными возгласами: «Во, братец, природа! Она сама за себя говорит. Ей рекламы не надо. Выехал за город, вдохнул-выдохнул и все понятно... А птицы, видал – птицы! Они же не просто летают, они – парят. В городе-то они чего, в городе они от помойки к помойке, с крыши на крышу, а здесь, брат...»

– Ну, чего ты накуксился? – тихо шептала своему Мишелю с утра уже расстроенная Люся Сеницына. – Что случилось-то?

– Ладно тебе, – равнодушно огрызнулся Мишель. – Ничего не случилось, не выдумывай.

– А я вижу, что ты накуксился, – бледное, нервное лицо Люси Сеницыной напряглось, глаза нехорошо заблестели. – Что тебе здесь не нравится?

– Прекращай шипеть, – тяжело двинул головой Мишель. – Не порть мне настроение с утра.

– Это ты мне его портишь с самого утра. Это ты ведь не хотел ехать на пикник.

– Тих-хо! Услышат же....

Напряженно дыша, стекленея глазами от приступа ненависти, они сидят на крыльце веранды, облитые спокойными лучами молодого утреннего солнца...

– Сева! – кричит из летней кухни Зоя Георгиевна. – Ты меня слышишь, Сева?

Сева сворачивает «Аргументы и факты», с которыми было пристроился на скамейке под грушей, и молча направляется на кухню.

– Подключи нам, пожалуйста, газ.

Сева соединяет резиновым шлангом газовую плиту с баллоном.

– Зажги и поставь чайник.

– А мы разве не будем ставить самовар?

– Обязательно будем... Мне просто нужна горячая вода, – отвечает увлеченная приготовлением салата Зоя Георгиевна.

Верочка и Аленка ушли собирать груши, которых много нападало под деревьями. Фрукты уже обмякли, потемнели от сырости, а некоторые и вообще сгнили, пропитав холодную землю сладким соком.

– Хорошо у вас тут, – говорит Верочка, больше заботящаяся о нарядном платье, чем о грушах. – Тихо так, спокойно.

– Это сейчас хорошо, а летом... – не сразу откликается Аленка, снисходительно улыбаясь Верочке.

– А что летом? – не понимает Верочка.

– Вон сколько работы, – Аленка обводит участок рукой. – Да еще комары кусаются.

– И место у вас хорошее – речка рядом, – говорит Верочка, скашивая глаза в сторону дома. – А сад какой...

Аленка поднимает голову, отбрасывает черную прядь с лица и внимательно смотрит на Верочку.

– Ты чего? – спрашивает Верочка.

– Так просто... А что?

– В школу-то не пошла?

– Подумаешь, – отмахивается Аленка, – один день пропущу.

– Ты выросла, Алена, – вдруг вздыхает Верочка и, воровато оглянувшись, шепчет: – Страх как покурить хочется.

Федор Иванович, морща тонкое, продолговатое лицо, убежденно говорит Сергею:

– Я дурак был, когда из деревни уехал. Вот и Анна Ивановна тебе это подтвердит. По глупости все вышло. Да и вся наша жизнь – сплошная глупость, честное слово... Умер дальний родственник, а квартира осталась, вот мы из-за квартиры и переехали.

Сережа Журавлев, до этого клевавший носом, оживился:

– Из-за квартиры?

– А ты, брат, как думал? Из-за квартиры! Нынче пока на нее заработаешь, уже и жизни с гулькин нос останется. Вот поживешь – узнаешь. Это раньше, при коммунистах, квартиру можно было на работе высидеть, а теперь – шалишь...

– Мужчины – за работу! – Зоя Георгиевна, щурясь на солнце, с ножом в руке стоит на пороге летней кухни.

– А что делать-то? – недовольно спросил Федор Иванович.

– Дел полно... Надо воды из колодца принести, продукты в погреб поставить, нож наточить – совсем не режет.

– Это всех делов -то?

– Да ты эти переделай... Вон земля еще не перекопана, малина и смородина не укрыты.

– Ну, не за этим же вы сюда приехали, – перебила несколько смущенная Нина Петровна. – Да и рано еще укрывать...

– А зачем это мы приехали? – возмутилась Зоя Георгиевна. – Отдых должен быть активным. Сережа, Мишель, марш за водой! Федор Иванович – в погреб. А где у нас Виктор Степанович?

- Он качели ремонтирует.
- Это хорошо, – одобрила Зоя Георгиевна. – Тогда, Сан Саныч...
- В чем дело? – Сан Саныч, разглаживая пышные, рыжие усы, вышел из-за веранды.
- Сан Саныч, тебе столы поставить.
- Сделаем, – весело откликнулся он. – А где мы расположимся?
- На улице, конечно... Столы в кладовой.
- Ясно.
- Сева! Севочка! Ты картошку почистил? – спохватилась Зоя Георгиевна. – Поставь ее, пожалуйста, на плиту.
- Будем знакомы, что ли, – бурчит Мишель, протягивая Сереже тяжелую, волосатую руку.
- Будем, – неохотно отвечает Сережа на рукопожатие.
- Ты новенький, что ли?
- Уже два месяца работаю в отделе.
- Значит, новенький... Ты и на пикнике в первый раз?
- В первый, – вздыхает Сергей, – и последний...
- Да ну? – Мишель косится на Журавлева маленькими, глубоко запрятанными глазами.
- Они минуют участок Кравцовых и на меже натываются на колодец, сооруженный из бетонных колец. Вода в колодце чистая, хрустальная, даже от одного взгляда на нее у Сергея немеют скулы. Едва лишь вытянув первое ведро, он припал к нему, жмурясь от удовольствия и чувствуя во рту давно забытый вкус ведерного железа.
- Ух! – отваливается Сергей от ведра. – Ну и водичка!
- Водичка да, водичка – в норме, – соглашается Мишель и, не утерпев, тоже делает несколько глотков, после чего совершенно неожиданно спрашивает Журавлева: – Ты ведь не женат?
- Нет, слава Богу, – отвечает заметно оживший Сергей.
- Здесь тебя и женят, – почему-то довольно говорит Мишель.
- Где? – не понял Журавлев.
- Здесь, на пикнике...
- А на ком? – все больше веселеет Журавлев, вспоминая при этом тяжелые от любви глаза Раечки.
- А ты еще не понял? – Мишель наполняет последнее ведро, и, стряхивая воду с волосатой руки, как-то странно, сбоку, смотрит в переносицу Журавлева.
- Нет...
- Ладно, скоро поймешь, – серьезно отвечает Мишель и, прихватив два ведра, выглядевших в его руках игрушечными, направляется к даче.

А там все идет своим чередом. Сан Саныч выволок на улицу большой круглый стол, установил его под грушей и теперь пристраивал к нему маленький, кухонный. Сева стоял на коленях, подавая в погреб Федору Ивановичу продукты. Он был оживлен, то и дело поправлял очки и торопливо говорил своему напарнику:

- Никто работать не хочет, Федор Иванович, вот в чем наша беда. Никто и не работает... Вся молодежь торгует или ворует... Вы только посмотрите на них – каждый второй на иностранке. Они что, эти деньги честно заработали?
- Подавайте, – командует Федор Иванович, озябший в погребе.
- Я вам честно скажу... Осторожно... Честно вам скажу: беру работу на дом, изобретаю, веду курсы, а денег у нас все равно нет. Нам вдвоем едва-едва хватает на жизнь...
- Все? – спрашивает из ямы Федор Иванович.
- Сева близоруко озирается и разочарованно говорит:
- Все.

– Ишь, проклятая, уже заметила, – ворчит Федор Иванович, по узкой металлической лесенке выбираясь из погреба.

– Кто? Что заметил? – крутит продолговатой головой Сева.

– Сойка вон... Мясо учуяла.

Сева поднимает голову и на ветке молодого тополя видит нарядно раскрашенную птицу.

– А я, признаться, в птицах не разбираюсь, – говорит он.

– Фу, – блаженно щурится на солнце Федор Иванович, – вырезатель у Кравцовых, а не погреб.

– Это верно, – охотно соглашается Сева.

Они закрывают крышку погреба, усаживаются на нее и Федор Иванович закуривает сигарету.

– Сева! Севочка! – кричит Зоя Георгиевна. – Пожалуйста, принеси мне из дома самовар.

Сева бежит к дому, а Федор Иванович с усмешкой смотрит, как мелко семенит он коротковатыми для его туловища ногами, и неизвестно почему произносит вслух:

– Казак...

Сан Саныч и Варвара уже носят закуски на стол. Они изредка обмениваются быстрыми, согласными взглядами, неизменно улыбчивый Сан Саныч смешно фыркает и шевелит усами. Варвара едва сдерживает смех, и все ее крупное, статное тело ходуном ходит от этих усилий, она смущается своей внутренней энергии и, как девчонка, отворачивает в сторону лицо.

Вера и Аленка возвращаются из сада. Они несут полный бачок собранных груш. Солнце неохотно высвечивает эти поздние плоды, уныло ржавеющие потными боками. Вера замечает, как с межи на тропинку поворачивают Мишель и Сережа Журавлев. Она притворно охает и останавливается, опуская свою сторону бачка на землю.

– Тяжело, – говорит Вера, – давай отдохнем.

– Разве это тяжело? – удивляется Аленка, продолжая держать перекосившийся бачок, от чего несколько груш падает в траву. – Вот когда он с картошкой или огурцами – тогда действительно тяжело...

– Опустит, не надо держать.

– Почему?

– Потом поймешь...

Аленка опускает бачок и долго смотрит на Веру. В ее глубоких, карих глазах что-то такое происходит, но Вера не может понять, что именно, и удивленно спрашивает:

– В чем дело, Аленка?

– А че? – привычно «чекает» Аленка.

– Что ты на меня вылупилась?

– Фу, как нехорошо ты говоришь, тетя Вера, – неожиданно кривится Аленка, и Вера вздрагивает от ее голоса.

– Что-что? – прищуривается она. – Какая я тебе «тетя Вера»?

Аленка довольна. Она смеется, быстро приседает и подбирает упавшие груши. Вера все так же стоит над бачком, напряженно разглядывая Аленку.

– Эй! Вы что там потеряли? – на ходу кричит Мишель, нещадно расплескивая воду из болтающихся ведер. – Может быть, помочь?

– Спасибо, – сухо вато отвечает Вера, незаметно разглядывая Сережу Журавлева, – в другой раз.

– В другой раз мы можем не согласиться, – серьезно говорит Мишель.

– А у вас хорошо получается, Сергей Петрович, – упруго выпрямляясь, замечает Аленка, – как у деревенского.

– Стараюсь, – довольно улыбается Сергей и в самом деле более умело справляющийся с полными ведрами.

Вера, глядя в спину удаляющимся мужчинам, досадливо морщит маленький нос и решительно берется за бачок.

– Уже отдохнула? – Аленка безвинно смотрит на нее.

– Аленка, я сегодня тебя не понимаю, – вдруг раздражается Вера, – ты дура или...

– А че? – Аленка шурит смеющимися глазами.

VI

И вот уже все сидят за столом. Увы, никто не узнает и не оценит всей виртуозной изобретательности Зои Георгиевны, потребовавшейся ей для того, чтобы незаметно для других, как бы совершенно случайно, Сережа Журавлев и Верочка за столом оказались рядом. А они именно оказались рядом – плечо к плечу, рука к руке. Остальные же садились так, как кому вздумается, и Федор Иванович неожиданно оказался рядом с Люсей Синицыной, а ее Мишель неуклюже вклинился между Сан Санычем и Варварой.

Солнце, уже вполне созревшее, уже почти ворвавшись в зенит, оставалось не знойным, спокойно льющим неяркие лучи из синих просторов. Редкие паутинки тонко взблескивали в его лучах, планируя в стоячем воздухе. И тишина вокруг такая, что тонкий посвист случайного воробышка слышен за версту. Бархат, ясень и орех уже успели сбросить листву, и лес сразу словно бы поредел, обнажив дачные постройки, все лето надежно утопавшие за густой листвою...

– Всем места хватило? – оглядывает застолье Зоя Георгиевна.

– Да вроде бы расселись.

– Мужчины, водку пить будете?

– Всенепременно! – откликается Федор Иванович.

– Я почему спрашиваю: обед-то у нас впереди, ближе к вечеру. А сейчас, может быть, вином обойдетесь? Тем более – самовар стоит...

– Как скажете, Зоя Георгиевна, – легко откликается Сан Саныч.

– Тогда, значит, вино. Сева! Принеси, пожалуйста, вино.

Сева, только что приткнувшийся между супругой и Анной Ивановной, бежит на кухню за вином.

– Сева! Севочка! – Зоя Георгиевна ухаживает за Кравцовым, наполняя его тарелку салатом. – А штопор?

Наконец, вино разлили, закуски разобрали и все выжидающе уставились на Виктора Степановича. Кравцов, возбужденный работой, взъерошенный и довольный, не сразу это заметил, а заметив, удивленно сказал:

– В чем дело, друзья? Пейте, как кому вздумается, – и первый отпил из своего стакана.

Зоя Георгиевна данной репликой осталась недовольна и сочла нужным сказать:

– Господа! – она облизала полные губы. – Выпьем за уважаемых хозяев, благодаря которым мы все сегодня здесь.

Сергей Журавлев, вслед за Кравцовым вытянувший свое вино, растерянно держал пустой стакан. Вера, мгновенно оценив ситуацию, отлила ему из своего, за что и заработала признательный взгляд...

Некоторое время за столом царило дружное молчание, прерываемое лишь стуком вилок и ножей, потом вновь забулькало из горлышка, и со стаканом в руке поднялся Федор Иванович.

– Прошу внимания! – строго сказал он, обводя всех взглядом.

– Вам колбасы подложить? – спросила Верочка у меланхолично жующего Сережи Журавлева.

– Нет, спасибо.

– Тогда возьмите кусочек буженины... Возьмите, возьмите, она свежая.

– Спасибо.

– Пр-рошу вни-ма-ния! – отдельно повторил Федор Иванович и, дождавшись полной тишины, сказал: – А я хочу выпить конкретно за этот день, который уже никогда не повторится, никогда более не придет на нашу грешную землю.

Сергею Журавлеву тост понравился, и он вновь выпил до дна.

– Попробуйте помидоры, – подсказала Верочка, – они у Нины Петровны вкусенькие.

– Нет, как хорошо он сказал! – вдруг воскликнул Сережа Журавлев. – Вы слышали?

– Конечно.

– День-то действительно никогда не повторится...

– И месяц – тоже.

– Что?

– Я говорю, что этот сентябрь тоже не повторится.

Сережа Журавлев внимательно посмотрел на Верочку и пожал плечами.

– Кстати, – вдруг подала голос Люся Синицына, – все забыли о проекте... А я хочу выпить за то, что мы его сдали с первого раза – почаще бы так.

– Тоже мне тост наша, – тут же откликнулся Мишель.

– А что, дельное предложение, – поддержал Люсю добродушно улыбающийся Кравцов. – Давайте за проект!

– Кому тост не нравится – может не пить, – ввернула Люся, возбужденно чокаясь стаканом с соседями...

Потом принесли самовар, пускающий густую струю пара и пузатый литровый чайник с заваркой. Центр стола украсил торт, изготовленный Анной Ивановной, большой мастерицей по этой части. Федор Иванович хоть и признавал мастерство супруги, от торта отказался и ушел покурить под грушу. Пожалуй, и еще кое-кто из мужчин не без удовольствия присоединился бы к нему, но не посмел, резонно опасаясь обидеть Анну Ивановну. Разговор за чаем принял женский характер – говорили о различных способах посола овощей. Сережа Журавлев от этого разговора заскучал, а попробовав сладкий торт – невкусно скривил губы и насупился.

– А что это наша молодежь засиделась за столом? – тут же все заметила Зоя Георгиевна. – Сережа, Вера, да не слушайте вы нас, стариков. Лучше покатайтесь на качелях или же к речке прогуляйтесь – там такие красивые места.

– В самом деле, Сергей Петрович, делайте то, что вам нравится, – поддержала Нина Петровна.

– Если надо будет – я вас позову, – уже в спину предупредила Зоя Георгиевна и разговор за столом потек прежним руслом.

VII

– А вы вот потом посмотрите, – горячо говорил Федор Иванович, внимательно слушавшему Севе. – Вы посмотрите, а если не вы, то ваши дети посмотрят... Конечно, если раньше не случится самое страшное.

– В том-то и дело, – ввернул Сева.

– Ну, будем надеяться, что не случится... Иначе и жить-то дальше бессмысленно.

– Тут много всяких «но» и я не могу просто так с вами согласиться...

– И не соглашайтесь! – тонкое, продолговатое лицо Федора Ивановича нервно передернулось. – Это – ваше право... А только война с механизмами неизбежна. Да вы сами посудите, пораскиньте мозгами – рыбы уже нет, где она, рыбка-то? По рекам вместо рыбы мазутные оазисы плывут. А вот где-то, я не помню где именно, запретили на моторных лодках ездить. Вот вам и первый шаг...

– Зачем же тогда было изобретать двигатель внутреннего сгорания? – не уступал Сева, внимательно разглядывая Федора Ивановича сквозь толстые стекла очков.

– Вы еще спросите, зачем колесо изобрели?.. Мотор был необходим, чтобы освоить Сибирь и Аляску, Северный полюс и, допустим, Северную Канаду. Это был жизненно необходимый шаг, но он сделан и требуется другой, следующий.

– Уничтожить моторы? – вздернул острый подбородок Сева.

– Именно!

– А кто будет уголь из шахты поднимать, кто пшеницу посеет и уберет, кто, наконец, вас в отпуск повезет?

– Тот, кто и раньше поднимал, сеял, возил! – уверенно отпарировал Федор Иванович.

– Кто?

– Ее величество – Лошадь. Плюс естественные источники энергии: гидроэлектростанции, ветряки, атомная энергия, наконец.

– Н-у, лошадкой вы сто сорок миллионов населения не прокормите.

– Прокормлю! А вот моторы ваши, извините, реки уже съели и землю скоро съедят – как пить дать. Дожили, в городах дышать нечем. В Японии по улицам люди в кислородных масках ходят. Это как по-вашему, а?.. Вы о парусном флоте читали?

– Слышал что-то.

– Слышал... Я вам точно говорю: наше третье тысячелетие непременно объявит двигатель внутреннего сгорания вне закона. И это будет не прихоть, а железной необходимостью, – Федор Иванович выдержал паузу и заговорил уже более проникновенно: – Я понимаю, вам без двигателя неудобно, так? Пожалуйста, ищите ему эквивалент, но только чтобы он кислород не жрал, реки не уродовал и атмосферу в покое оставил.

– Значит, вместо самолетов – воздушные шары?

– А чем плохо? Ведь максимальные возможности аппаратов легче воздуха, парусного флота, живой лошадиной силы никто не знает. Куда там! Все заслонил собою двигатель внутреннего сгорания. Я понимаю, так намного легче, удобнее, спокойнее, мозгами шевелить не надо...

Сева вдруг разволновался, вскочил и несколько раз пробежался мимо сидящего на скамейке Федора Ивановича.

– Да вы поймите! – вскричал он. – Тысячи ракет, как сторожевые псы, глядят сейчас друг на друга. Понимаете? Ты-ся-чи! Любой пустяк и... Понимаете? А вы о чем говорите? Какая там атмосфера! Какие речки!

– Вот-вот! – вдруг взбеленился и Федор Иванович. – Вот она, ваша психология, за которую потомки вас будут судить. Вы все спрятались за эти проклятые ракеты, вы дальше носа видеть не желаете, черт вас возьми совсем! Чуть что – ракеты, ракеты, ракеты... Да пропади оно все пропадом – есть кому думать о ракетах! Понимаете? Есть! А вот об экологии чтобы кто-нибудь лишний раз подумал – шалишь... Тут никого нет: ни денег, ни людей. А ведь именно от экологической катастрофы мы все вымрем на земле, а не от ваших ракет...

Сева, смущенный столь бурным натиском, растерянно снял очки и теперь близоруко щурился на Федора Ивановича.

– Шведы вон без ракет живут и – ничего. А мы загородились, китайскую стену из ракет построили, – уже почти кричал Федор Иванович, – к нам никто и мы – никуда! А везде-то люди живут, чего их бояться?! Почему мы так всего боимся, вы думали об этом когда-нибудь? Ракет, голода, НАТО, оппозиции, собственного народа... Кому этот наш страх выгоден? Вот вы лично думали об этом?

Сева молчал, виновато опустив голову. Умолк и Федор Иванович, тяжело переводя дыхание. Так они сидели некоторое время, разглядывая до предела укороченные полднем собственные тени. И вдруг Федор Иванович спросил:

– Сева, вы выпить хотите?

– Выпить? – опешил Сева и оглянулся на летнюю кухню.

– Ну да... У меня на всякий случай фляжка припасена. Осталось только стаканы добыть.
– Я... Не знаю, право...
– А чего тут знать, – веселея от своей идеи, рубанул прозрачный воздух Федор Иванович, – нечего тут и знать – выпьем и – баста! За ракеты выпьем, дорогой Сева, за китайскую стенку... Или же вы предпочитаете стенки из финского гарнитура?

Сева не очень уверенно улыбнулся и сильно скосил глаза в сторону сидящих за столом женщин.

VIII

– А ты в прошлый раз?
– Что – я!
– Ты в прошлый раз как себя вел?
– Нормально...
– Нажраться, как свинья, всем нахамить – ты считаешь нормальным?
– Да брось ты.
– Тогда нечего упрекать меня...
– А я не упрекаю.
– Как же – не упрекаешь! Зачем врать-то?
– Ладно, все!
– Все люди как люди, а у нас вечно...
– А вот почему у нас «вечно-то»? Из-за кого?
– Ха-ха! Уж не из-за меня ли?
– А из-за кого?!
– Послушай, дорогуша, кто в последний раз к Верке приставал?
– Не знаю...
– Ах, ты не знаешь! А я вот знаю... Я эту паскудину, Зою Георгиевну, насквозь вижу. И я знаю, почему она в прошлый раз свою потаскушку Верочку на пикник приволокла.
– Ну...
– Не нукай, не запряг... Уши развесил, губы распустил. Ты бы посмотрел тогда на себя со стороны... Ты бы видеть себя больше не захотел.
– Ладно тебе.
– Она ведь, Зоя Георгиевна, как рассудила: они, это мы с тобой, не расписаны, авось Верка и оттяпает себе муженька.
– Да ну? Врешь!
– Чего «врешь»? Врет сорока на заборе... А ты, говорю, губищи-то и распустил – свеженького захотелось? А теперь вот этот сосунок появился. Видел же, как Верка за столом возле него увивалась: то вина подольет, то буженинки подложит...
– Это я видел.
– Ви-идел... Небось, с Верки глаз не сводил?
– Да зачем она мне нужна?
– Все за тем же... А Зоя Георгиевна, ох и гадюка же подколотная. Разрешили бы – я ее из автомата насквозь бы прошила...
– Злая ты.
– Не злее других... Ты просто ее не знаешь. Вот увидишь, приберут они этого Сережку к рукам.
– А тебе что, завидно?
– Приберут, как пить дать. А как только приберут, так Зоя Георгиевна разводить их начнет.
– Да ты не каркай раньше времени...
– А чего мне каркать? Все так и будет, вот увидишь...

- Да мне-то все равно. Пусть этот Сережа хоть на самой Зое Георгиевне женится.
- Ну да, а Верочка тебе?
- Кончай!
- Что вы с ней тогда за домом делали?
- Когда?
- Не прикидывайся идиотом.
- Иди ты...
- Сам иди, ясно!
- Мегера.
- Кретин...
- Дура в кубе!
- Ты сам дурак в квадрате!
- Кто – я?!
- Ты!
- Я – дурак?
- Тих-хо... Услышат же!

IX

– ... Скажете тоже.
– Нет, в самом деле, – уверяет Сережа Журавлев. – Это я на первый взгляд только таким тихим выгляжу. Меня всегда не за того принимают – и в школе, и в институте. А сейчас – особенно...

- Все равно – не поверю! – вздергивает одно плечико Вера. — У вас такие глаза...
- Какие?
- Не знаю... В общем, по ним все видно...

– Так уж и видно? – досадливо морщится Сережа. – У нас в институте один парень в таких случаях знает что говорил?

- Что? – округляет глаза Верочка.

Сергей Журавлев мнетя, но выпитое с утра вино придает ему смелости, и он на едином дыхании выпаливает:

- Внешность бывает обманчива, сказал еж, слезая с сапожной щетки...

Верочка не сдерживается и громко хохочет. Сергей, не ожидавший такой реакции, удивленно смотрит на Веру.

- Нет, Сережа, вы прелесть! Вы извините, конечно, что я так откровенно говорю...

– Да ничего, – бурчит Сергей, увиливая глазами от высоко взбитого Верочкиного сарафана.

Они сидят на поваленном ветром старом тополе, и речка Каменушка струит свои воды буквально в двадцати шагах от них. Старая выгоревшая под солнцем трава уже ничем не пахнет и не радует глаз, но на противоположном берегу поднялась отава, ослепительно зеленая на фоне красно – желтых приречных берез. Они уже давно сидят здесь, согреты солнцем и мягким журчанием Каменушки, неспешно несущей свои прозрачные воды к большой реке. Сорока, при их появлении поднявшая шум на весь дачный поселок, притерпелась к ним, и лишь бурундук, до их прихода челноком сновавший по упавшему тополю, недовольно стрекотал за можжевельным кустом. Оно и понятно: рядом с тополем лежала кем-то брошенная баранка, которую бурундук вознамерился приобщить к своим зимним запасам.

Они сидели на поваленном тополе, и Сережа уже не в первый раз ощутил горячее прикосновение круглого Верочкиного колена. В первый-то раз он испуганно отстранился, а теперь вот сидел в обмороке сладкого ожидания, задеревенев челюстями и бессмысленно уставившись перед собой. Прошла, наверное, минута, а Верочка не отодвигалась, и тогда Сережа скосил на нее глаза. Совсем близко он увидел красные, слегка приоткрытые губы Верочки, ее

мягкий, округлый профиль, обрамленный белокурыми локонами. Губы Верочки вздрагивали, словно бы просили у Сережи защиты от неведомого врага. Его взгляд невольно скользнул к ее подбородку, шее и еще дальше – под вырез цветного сарафана... Вот и получилось так, что Сережа опомниться не успел, как вдруг гибкая талия Верочки оказалась под его рукой, а губы лихорадочно нашли и забрали в полон слабо сопротивляющиеся ее губы. Верочка потяжелела, обмякла, заваливаясь на спину, и Бог знает вообще, чем бы все это кончилось, если бы на тропинке не послышался чей-то голос. Возбужденно дыша и блестя мокрыми глазами, в одно мгновение они отпрянули друг от друга, сладко ощущая полузапретную сладость первого поцелуя.

– Я же вам говорил, какой я на самом деле, – приглушенно и хрипло прошептал Сережа.

– Сумасшедший, – не то восхищенно, не то осуждающе ответила тяжело дышащая Верочка, поправляя подол и прическу.

– Я предупреждал...

На тропинке появляется Аленка. Она несет таз с бельем и кусок хозяйственного мыла. Аленка идет со стороны солнца, в желтом свечении догорающих осенних листьев, идет по тропинке сверху вниз и потому кажется выше своего роста. Волосы, схваченные в тяжелый узел на затылке, делают ее лицо строже и взрослее. Даже Верочка не в силах скрыть удивленное восхищение, и во все глаза смотрит на беспечно напевающую Аленку, на ее тоненькую, стройную фигурку в ситцевом платье, перехваченную узким пояском.

Аленка проходит мимо, и они не могут понять – в самом ли деле она не видит их или притворяется? Верочка склонна подозревать второе и поэтому тянет Сережу за руку, усиленно показывая глазами, что отсюда надо уходить. Но Сереже Журавлеву уходить не хочется. Напротив, вдруг он чувствует, как непонятная мальчишеская удаль и веселье переполняют его, и он, довольно бесцеремонно оттолкнув Верочкину руку, живо вскакивает и крадучись идет за Аленкой. Растерянная, ничего не понимающая Верочка, даже обидеться забывает, во все глаза наблюдая, как Сережа настигает Аленку, ловко подхватывает на руки и кружит вместе с тазом и куском хозяйственного мыла. Все происходит, как в немом кино, и Верочка смотрит дальше. Сережа, совсем, видимо, спятив, прямо в туфлях входит в воду и, запрокинув голову, хохочет во все горло так, что даже сорока срывается с голы пихтовой вершинки и предусмотрительно набирает высоту. Но самое нелепое, самое непостижимое в том, что Аленка ни мало не испугавшись, не смутившись даже (словно ее всю жизнь на руках носили), худенькой, загорелой рукой крепко обхватила Сережу за шею, прижалась к нему и, кажется, совсем не собиралась освобождаться от его рук. И уже боковым, рассеянным зрением, Верочка необычайно отчетливо видит, как вывалилось белье из таза и медленно поплыло по течению, надуваясь нелепыми серыми пузырями...

Когда Сережа, наконец, отпускает Аленку и смеющийся, довольный, поворачивается к Верочке, ее уже нет. Только секунду стоит он в растерянности, а затем вместе с Аленкой бросается догонять намокшее белье, медленно волокущееся по чисто умытым камням.

– А здорово, правда! – говорит Аленка, раскрасневшаяся от возбуждения. – Только вот вы туфли намочили.

– Ерунда, – беспечно отмахивается Сережа, – сейчас просохнут... Он быстро собирает по берегу сушняк и разводит небольшой костер. Воткнув две палки, вешает на них туфли и наклоняет над огнем.

– Осторожнее, – предупреждает Аленка, – а то сгорят...

Сережа устраивается у костра и наблюдает, как Аленка стирает белье, встав коленями на мостки. Джинсы на нем дымятся от пара, ногам становится горячо, и Сергей с ворчанием отодвигается подальше.

Потом приходит Аленка и на корточках присаживается напротив. Она долго, не мигая, смотрит на угли, глубоко вздыхает и поднимает свои чистые, прекрасные глаза на него.

– Сергей Петрович, – говорит Аленка, – зачем вы связались с ней?

– Гм-гм, – закашливается Журавлев.

– Вы ее разве любите? – не дождавшись ответа, вновь спрашивает она.

Сережа не выдерживает и отводит взгляд. Он чувствует, как краска (этот милый грех юности) медленно заливает лицо, ему становится тяжело под неотступным взглядом Аленки, и он с трудом выдавливает из себя:

– Нет...

– Я так и знала! – радостно восклицает Аленка, но тут же потухает и бесцветным голосом говорит как бы сама себе: – Не любите... А как же тогда?..

Аленка не договаривает, но и так предельно ясно, о чем она думает сейчас. Сергей согласен провалиться сквозь землю, только бы не видеть вопросительного взгляда этой не то взрослой девочки, не то молодой девушки, с обиженным недоумением уставившейся на него.

– А разве без любви... – начинает и тут же умолкает Аленка, всем своим существом вдруг осознав, что может переступить некую запретную черту, нарушить хрупкое равновесие, после чего Сергей Петрович уже никогда не захочет разговаривать с ней...

А Сережа Журавлев сидел и проклинал ту минуту, когда согласился пойти с Верочкой погулять. И впервые он вдруг подумал о том, что пора жениться, и даже не подумал, а так, словно бы кто со стороны подсказал ему эту идею...

– Смотрите, смотрите, – шепчет Аленка, возбужденными глазами глядя через плечо Сергея, – бурундучок...

Сергей оглядывается и видит желтый полосатый столбик с крохотными черными бусинками любопытных глаз. И в это самое мгновение он внезапно спрашивает себя: «А кого же я люблю?»

Х

В седьмом часу вечера накрыли стол для обеда. Вначале вынесли из кухни фирменный салат Зои Георгиевны – отварные кальмары в сметане с яйцом и луком, затем натертый с чесноком сыр и селедку под шубой. Специально под водку – соленые груздочки, огурцы и помидоры, аппетитно засветившиеся на столе. Сама Зоя Георгиевна, притомившаяся на кухне, сидела под грушей и терпеливо ждала, когда все соберутся к столу.

Первыми пришли Сан Саныч с Варварой. Они аккуратно сполоснули руки под умывальником и чинно уселись за стол, дабы упредить недоразумение, которое случилось за завтраком, когда Мишель вклинился между ними. Занял свое место Виктор Степанович Кравцов. Анна Ивановна и Нина Петровна приводили в порядок кухню, растерзанную энтузиазмом Зои Георгиевны. Верочка, капризно надув губы, качалась на качелях. Мишель и Люся Синицына спустились с чердака и тоже сели за стол, на этот раз рядом.

– Сергей Петрович! – окликнула прохаживавшегося по садовой тропинке Журавлева заботливая Нина Петровна, – пора обедать.

– Иду, – сразу же откликнулся Сережа и не очень уверенно занял свое прежнее место.

Виктор Степанович нетерпеливо и удивленно оглянулся на Зою Георгиевну, но она сделала вид, что этого взгляда не заметила. И только тут все обратили внимание, что за столом до сих пор нет Севы и Федора Ивановича.

– А где Сева? – растерянно крутнул аккуратной головой Кравцов, обращаясь к Зое Георгиевне.

– И Федор Иванович, – поддержал его Сан Саныч.

– Ягоды собирают, – зло ответила Зоя Георгиевна.

– Какие ягоды? – не понял иронии Виктор Степанович.

– Волчьи...

– Вот черт, в самом деле, – Кравцов без удовольствия полез из-за стола. – Кто их видел?
– Я от своего этого не ожидала, – нервно облизала губы Зоя Георгиевна, бросая выразительный взгляд на виновато потупившуюся Анну Ивановну. – Мой Сева до такой глупости сам бы никогда не додумался...

– Они вон там, – шепнула отцу Аленка, показывая глазами на небольшую березовую рощицу.

– Как – там! Почему? – удивился Кравцов. – У нас что, места мало?

– Я не знаю, – вздернула острые плечики Аленка.

– Вот так новости, – Виктор Степанович обвел всех взглядом, кашлянул и решительно направился к роще.

– Так ты знала? – высоко вскинула брови Зоя Георгиевна. – И не сообщила мне?

Аленка пренебрежительно отвернулась.

– Алена, ты как себя ведешь? – сделала ей замечание Нина Петровна, впрочем, не очень строгим голосом.

Трудно сказать почему, но пока Виктор Степанович шагал к березовой роще, раскинувшейся на границе дачного поселка, он всю свою решительность растерял. Весь день провозившись в саду и на огороде (участок надо было готовить к зиме), он так и не заметил всей благодати минувшего дня. А теперь вот шел и видел, как празднично раскрашена роща в золотистые тона, как взблескивают под солнцем серебристые паутинки, и с мягким шорохом облетают листья, еще не успевшие застекленеть от первых заморозков. А тут еще далеко в высоком небе прогнулся вытянутый журавлиный клин и оттуда забулькали-заохали такие близкие и знакомые с детства звуки, что разом вдруг и детство припомнилось, и еще что-то, уже за детством, уже почти умершее в памяти, и вдруг явившееся ему при криках журавлей. «Летят, милые, летят, – задрал голову, восторженно подумал Виктор Степанович. – При Мамае летели, Кутузове и до сих пор летят... А я уже лет десять, однако, их не замечал, забыл совсем про них, а они летят, милые... В городе-то недосуг в небо взглянуть, а услышать – машины не дают...»

Мужиков Виктор Степанович нашел сразу и видом их был поражен. Собственно, поразил его Сева: возбужденный, без галстука, с расстегнутым воротником, весь помятый, а главное – без очков, он стоял на коленях и что есть мочи колотил кулаком в землю. Напротив него, в позе римского сенатора возлежал на траве Федор Иванович с незажженной сигаретой в углу рта.

– А я вас еще раз спрашиваю: по-че-му никто не работает? – зловеще спрашивал Сева. – Почему возле каждого винно-водочного магазина или торговой палатки собирается толпа известных вам субъектов? Каждый день – одних и тех же... Сколько таких магазинов в нашей стране?... Почему молодые сопляки ездят на дорогих иномарках, а я себе и велосипеда купить не могу? Почему государство не платит мне столько же, сколько платят американскому инженеру, а цены в магазинах – американские? И, наконец, почему они, американцы, вообще лезут в мою жизнь? Я ненавижу их гамбургеры, я презираю их «Интернет», а они все равно лезут – почему? По какому праву они нарушают мои права и вторгаются в мою жизнь, декларируя себя везде и всюду, как единственных защитников прав человека? Ничего себе – защитники!

– Признаться, я никогда не думал об этом, – озадаченно ответил Федор Иванович, и тут заметил подходившего Кравцова.

– Не думали! – продолжал бушевать преображенный Сева. – Не думали, а думать надо! И не кому-то там, в верхах, а всем думать надо, и нам с вами – в том числе... Мне стыдно говорить, но я каждое утро...

Сева осекся, потому что разглядел ноги Кравцова. Он поднял близорукое лицо и вдруг улыбнулся, и впервые Виктор Степанович увидел, как хороши у него зубы, и как идет ему улыбка.

– Так вот вы где от общества спрятались, – добродушно сказал Кравцов.

– Не мешай, Виктор Степанович, – зажигая спичку и прикуривая, попросил Федор Иванович. – Он хорошо говорит... Ну, Сева, что дальше-то?

– Дальше? – Сева был явно смущен и даже пуговицу на воротнике рубашки застегнул. – Можно бы и дальше, да некуда... Завтра американские солдаты окажутся под нашими окнами, – Сева, заметив заинтересованный взгляд Виктора Степановича, постепенно воодушевлялся и говорил все более уверенно. – А мы с вами будем молчать и кивать на Кремлевские стены. Всю Россию уже прокивали, все заводы забугорные нувориши за гроши приватизировали, завтра и нас в услужение заокеанскому бизнесу пустят, а нам хоть бы что...

– Черт возьми! – не выдержал Федор Иванович. – Это что же такое получается?

– А полный беспредел и получается, как лагерники говорят... Вы послушайте, что и каким языком говорят наши политики... Ведь их язык уже почти ничем не отличается от лагерного. Вообще-то это страшно интересная тема: политика и язык. В криминальном государстве все неизбежно будут говорить на криминальном языке.

– Во, дает! – даже привскакивает на земле Федор Иванович. – Ай да Сева, ай да молодец! Но кто виноват-то, Сева, кого надо к стенке ставить?

– А все мы и виноваты... Это с нашего молчаливого согласия довели страну до полного разора, обокрали пенсионеров, детей оставили без будущего... Ведь мы молчим, а раз молчим – значит согласны... Вот и получается, что к стенке ставить, дорогой Федор Иванович, надо нас с тобой...

– Ну, это ты хватил! – хмурится Федор Иванович.

Виктор Степанович поражен доводами Севы, но он помнит, зачем пришел сюда и потому говорит:

– Там нас ждут.

– Подождут, – отмахивается Федор Иванович.

– Неудобно – обед стынет, – настаивает Виктор Степанович и добавляет для верности: – Люди проголодались.

– Не помрут.

– Нет, надо идти, – вздыхает Сева.

– Виктор Степанович, выпить с нами хочешь? – спрашивает Федор Иванович и легонько встряхивает металлическую фляжку.

– Да нет, я уж за столом, – отказывается Кравцов.

– А мы понемногу приняли и оч-чень хорошо поговорили... Так, Сева?

– Разумеется, – Сева уже успокоился, уже повязывает галстук, и даже очки у него уже на прежнем положенном месте.

– А Сева, между прочим, мировой парень, – Федор Иванович прячет фляжку в нагрудный карман. – Я бы с ним в разведку пошел. Только вот не верит, что двигателю внутреннего сгорания в двадцать первом веке – хана!..

Спустя десять минут на том месте, где только что сидели мужики, во всю снуют вездесущие синицы, а чуть позже, нырками просквозив рощу, опускается сойка и разочарованно поводит клювом, шагая по примятой осенней траве.

XI

Обедают долго и молчаливо. Лишь Сан Саныч о чем-то тихо переговаривается с Варварой, да Нина Петровна дважды спрашивала, не нужна ли кому добавка. Добавку никто не захотел, и это было тем более странно, что картофель, потушенный с молодой свининой, сегодня особенно удался. Нина Петровна, безусловно обиженная, негромко спросила:

– Неужели так невкусно?

Сразу несколько человек начали уверять ее в противном, а Сан Саныч и Сережа Журавлев согласились на добавку.

Федор Иванович все подливал в рюмки, хотя Виктор Степанович отказался от водки уже после второй. Зоя Георгиевна с деланным безучастием ни во что не вмешивалась, отказалась от горячего и пила лишь чай. Было немного странно, что она так ни слова и не сказала Севе, и за столом упорно «не замечала» его.

Между тем разговор завели о политике. Немного поплутав по второстепенным стежкам-дорожкам, очень скоро вышли на магистральную тему, и тут заговорили все, исключая Зою Георгиевну. Ругали правительство, новых русских, президента, высокие налоги и американское лицемерие. Неожиданно для всех высказался и Сан Саныч:

– А что бы вы хотели? – спросил он, поглаживая пальцем пышные усы. – Тут ведь арифметика простая: если они не будут выпускать новые ракеты – их миллионеры не получат новые прибыли... Так? А ради прибылей он, американец, еще десять президентов перестреляет, но своего добьется... И еще он думает как, американец-то этот...

– Мне плевать, как он думает! – перебил Федор Иванович.

– Тише! Пусть человек скажет, – зашикали на него. – Не все тебе высказываться.

– Говори, Сан Саныч.

И Сан Саныч продолжил:

–И вот он думает: если я сто новых ракет не построю, я, допустим, сто миллиардов долларов дохода не получу, а русские эти же сто миллиардов на улучшение жилищной проблемы пустят. Или людей своих наконец накормят, да зарплату выдадут.. И это что же получается? А получается так, что я дважды в проигрыше остаюсь: прибыли упускаю и русским лучше жить даю.

– А ведь действительно так, – говорит Виктор Степанович.

– Ох, Гос-споди, до какого времени мы дожили, – вздыхает Анна Ивановна.

– А детям нашим что предстоит? – спрашивает Нина Петровна. – Им-то какво жить при капитализме?

– Ерунда все это! – рубит воздух Федор Иванович. – Полнейшая ерунда...

– Ну как же, Федор Иванович, ерунда? – не соглашается с ним супруга. – Все так и есть.

– А я говорю – е-рун-да! Вон и Сева вам это подтвердит.

– Нет, я не согласен с вами, Федор Иванович, – вдруг возражает Сева.

– Ну и черт с вами! А только потому это ерунда, что Сан Саныч привык у себя в кооперативе прибыли подсчитывать... Он их так удачно подсчитал, что старшему сыну трехэтажный особняк отгрохал... А вы все на американцев валите – тут и свои не хуже...

– Федор Иванович, перестань! – дернула его Анна Ивановна.

– Мы же говорим о политике, – не унимался и никого не слушал Федор Иванович, – мы о проблемах века речь завели, а он и тут все из своего приватизированного за гроши склада видит... Все через прибыль меряет.

– Началось, – с упреком взглянула на Виктора Степановича супруга, – как это уже всем надоело...

– А чего ему, Сан Санычу, он знай самопальной водочкой в розницу и оптом торгует – травитесь дорогие сограждане, это ваши проблемы, а мои – барыши подсчитывать. К нему никакая комиссия не прикопается, он всех на корню скупил: торговый отдел, налоговую полицию, санитарный надзор – всех подряд...

– Федор Иванович, прекрати сейчас же! – повысил голос растерянный Кравцов.

– Да заткнуть ему рот, говоруну! – вдруг подал голос Мишель.

– Это кому – рот заткнуть? – вскочил Федор Иванович.

– Тебе, дураку безмозглому, – глаза у Мишеля побелели, мышцы на руках вздулись буграми.

– А ты попробуй, заткни!

– Мужчины, мужчины, вы это что?! – испугалась Нина Петровна.

Сан Саныч, слегка побледнев, что-то быстро говорил Варваре.

– С удовольствием, – Мишель привстал и, перегнувшись через стол, схватил Федора Ивановича за ворот, – с большим удовольствием

Мышцы на его правой руке закаменели, он медленно, с силой, пригнул Федора Ивановича к столу, и, положив левую руку ему на затылок, ткнул несколько раз лицом в тарелку с салатом. И тут произошло самое странное, чего никто потом толком объяснить не мог. Сан Саныч, неувлимым движением развернув Мишеля к себе, коротко ударил его в подбородок, и Мишель, как куль с зерном, рухнул на пол. Несколько секунд стояла изумленная тишина, которую затем прорезал пронзительный вопль Люси Сеницыной:

– Гад! Ты что делаешь? За что?!

Между тем Мишель поднимался с пола, и все с ужасом ждали, когда он поднимется. Однако же ничего ужасного не произошло. Мишель потрогал нижнюю челюсть, покачал головой и хрипло сказал Сан Санычу:

– Хороший у вас удар, Сан Саныч, поставленный...

И сразу же все облегченно заулыбались, заговорили, усиленно делая вид, что ничего особенного не произошло, и лишь Федор Иванович тяжело, не мигая, смотрел на Мишеля, да Нина Петровна незаметно убрала со стола оставшуюся в бутылках водку...

– Вы не обращайтесь внимания и не вмешивайтесь, – шепнула Сереже Журавлеву вновь сидевшая рядом с ним Верочка. – Они уже давно воюют. Все идеи поделить не могут.

– Но...

– Да и какое вам дело до них? Вы после ужина гулять пойдете?

– Не знаю, – встревоженно метнулся глазами Сережа, вновь чувствуя обольстительное тепло Верочкиного колена и ту особенную энергию, которая исходит от возбужденной женщины. – Неудобно как-то...

– Что! Вы сюда отдыхать приехали, – Верочка чувствует, что не убедила Сережу и вкрадчиво добавляет: – Да и докладывать, что мы гулять пошли, совсем необязательно. Я вас жду за тем вон сарайчиком, хорошо?

– Хорошо, – пересохшими губами отвечает Сережа Журавлев и плотнее подвигается к Верочке, теснит ее колено нетерпеливой ногой.

А чуть позже, оставшись один, он уже прокликает себя за слабохарактерность, за неумение противиться Верочке и вообще – женщинам, которые всегда подавляли его своей настырностью и откровенным желанием. Все они говорили ему одно и то же: «Ах, какие у вас глаза! Это же чудо – брюнет с синими глазами...» И Сережа всерьез сердился на свою внешность, которая еще в школе ему покоя не давала. Там к нему учительница пристала, такая вся рыхлая, уточкой переваливавшаяся с ноги на ногу, а вот поди ж ты, Сережу углядела.

XII

Давно уже стемнело. В холодном, осеннем небе зажглись первые звезды. Глядя на них, Виктор Степанович глубоко зевнул и пошел в дом укладываться спать. Нина Петровна, все еще огорченная, до конца не успокоившаяся, на летней кухне отмывала посуду. Аленка за столом пила чай с малиновым вареньем. Она смотрела на умелые материны руки и завидовала ей. Чему именно она завидовала – Аленка не смогла бы объяснить и самой себе: просто жило в ней это чувство как бы помимо ее воли.

– Ты чай попила? – спросила мать.

– А что?

– Возьми полотенце и протри посуду.

– Пожалуйста...

Аленка еще некоторое время сидит за столом и смотрит на лениво бродящую по клеенке муху. Легкая тень улыбки набегаёт на ее лицо, но она тут же хмурится и прихлопывает муху газетой.

– И вечно этот Федор Иванович! – вдруг громко восклицает мать, опуская мокрые руки. – И что ему надо от всех?

– Он добрый, – неожиданно говорит Аленка.

– Что-о? – Нина Петровна удивленно поворачивается к дочери. Что ты сказала?

– Он хочет, чтобы все жили по правде.

– Вон что, – облегченно вздыхает мать и вновь берется за посуду. – А кто, по-твоему, живет не по правде?

– Дядя Саша с тетей Варей, – глухо говорит Аленка.

Нина Петровна резко выпрямляется и через плечо внимательно взглядывает на дочь.

– Думаешь, я не знаю? – смотрит ей в глаза Аленка. – Думаешь, я еще не понимаю ничего...

– Молчи! – кричит Нина Петровна. – Это не твоего ума дело!

– Не кричи на меня, – Аленка тоже повышает голос.

– Ты и в самом деле ничего не понимаешь, – уже тише говорит мать. – Нельзя судить то, чего ты не понимаешь – нельзя!.. Они любят друг друга...

– Тогда пусть женятся, – упрямо поджимает губы Аленка.

– Они тебя забыли спросить.

– Тогда пусть не ездят больше к нам, – Аленка неожиданно всхлипывает. – Я не хочу их больше видеть! Всех обманывают, а сами улыбаются. А теперь еще и Сергей Петрович с Верочкой...

– Что – Сергей Петрович?

– То... Они с Верочкой уже обнимались.

– Да ты еще совсем ребенок, – всплескивает пухлыми ручками Нина Петровна. – Поэтому за всеми подглядываешь, как дитя малое. Нехорошо, доченька, нехорошо это...

– Я не подглядываю, а только куда не пойдешь, они все целуются, обнимаются – противно смотреть. А у Верочки дома Валерка один, у тети Вари муж на автобусе работает, а они здесь...

– Молчи-и! – вновь кричит Нина Петровна, но кричит уже испуганно, беспомощно оглядываясь на дверь.

– Вот ты же с папой не целуешься, я ни разу не видела. И Федор Иванович с тетей Аней не целуются, а только они все... И этот боров Мишель: то со своей Люсей, то с Верочкой...

Аленка швыряет полотенце на стол и выбегает из летней кухни. Нина Петровна, не шелохнувшись, пораженно смотрит ей вслед, и вымученная улыбка обозначается на ее губах. Она даже не замечает, как входит Виктор Степанович и лишь со второго раза слышит его вопрос:

– Что здесь происходит?

– Витя, – вдруг всхлипывает Нина Петровна и прижимается к плечу мужа, – она, оказывается, все-все уже понимает.

– Кто?

– Аленка наша... Она все знает...

– Что она знает? – с неудовольствием отстраняется от супруги Виктор Степанович.

– А все она знает: про Сан Саныча с Варварой, Верочку и вообще – все!

– Да что ты! – вздрагивает Виктор Степанович и невольно оглядывается на дверь. – Не может быть...

– Может, Витя, может... Она только что мне все это сказала.

– Ах, ч-черт! – расстраивается Виктор Степанович. – Не надо было ее сюда везти.

Нина Петровна тыльной стороной руки вытирает покрасневший нос и со вздохом говорит:

– Да разве же в этом дело, Витя?

– А в чем? – удивился Кравцов, с недоумением глядя на жену.

– Выросла она у нас, вот в чем... Все понимать стала, а мы с тобой этого не заметили.

И они еще долго говорили о мерах, которые теперь необходимо принять, дабы оградить дочь от ненужных впечатлений, а переговорив обо всем этом, облегченно вздохнули и, попив холодного чая, отправились спать.

И тихо стало на даче Кравцовых, лишь с чердака доносился приглушенный Верочкин шепот, ненасытно терзавшей брюнета с синими глазами – Сережу Журавлева, да всю ночь под верандой попискивали мыши, справляя свою тайную, предзимнюю жизнь.

XIII

Утро воскресного дня явно не задалось. Долго держался туман – густой, молочного цвета, проникающий во все щели и трещины. А когда занявшимся ветерком сбило туман, над хребтами поплыли грязно-серые тучи, из которых вскоре просыпался крупный холодный дождь. Все вокруг потемнело, потеряло краски и запахи, и проснувшимся Кравцовым сразу нестерпимо захотелось домой, в уютную городскую квартиру.

К завтраку собирались медленно и неохотно. Один лишь Сан Саныч, вставший до света, успел переколоть кучу дров, и потому отсутствием аппетита не страдал. Долго ждали Люсю Синецкую с Мишелем и, наконец, послали за ними Аленку, но в доме их не оказалось. Против ожидания, исчезновению Люси с Мишелем почему-то не удивились и принялись за чай. Пили в тягостном молчании, которое, не выдержав, прервала Зоя Георгиевна:

– Виктор Степанович, какую ты нам теперь работу подкинешь? – спросила она.

В другой раз на нее зашикали бы, остерегли заводить разговор о работе, а тут все вроде бы даже обрадовались вопросу и в ожидании уставились на Кравцова.

– Работу? – Кравцов обвел всех взглядом и задержался на Сереже Журавлеве. – Будем доводить проект нижнего склада.

– Как – доводить! – ахнула Зоя Георгиевна. – Мы ведь его сдали?

– Не совсем, – Кравцов усмехнулся. – Там что-то серьезно напутано с электрической подстанцией – придется посмотреть всем вместе.

– Во-от оно что, – многозначительно протянула Зоя Георгиевна. – Поня-атно...

Сережа Журавлев готов был сквозь землю провалиться. Первая мысль, которая промелькнула в его уме: «Бежать! Бросить все и – домой, в тайгу – куда угодно, только бы не оставаться здесь, никогда больше не видеть притворно потупленную Верочку, иронично улыбающуюся Зою Георгиевну, понимающие глаза Виктора Степановича».

– Зачем же тогда надо было все это устраивать? – облизнула губы Зоя Георгиевна. – Тем более...

Она не договорила, но и так все было ясно.

Первым, извинившись, поднялся из-за стола Сева. Следом за ним потянулся Федор Иванович, за все утро не проронивший ни слова. Анна Ивановна, проводив его горестным взглядом, начала собирать посуду.

Сережа Журавлев отодвинул чашку с недопитым чаем, поднял голову, тоже собираясь покинуть стол, и тут споткнулся взглядом о неподвижно стоящие на нем Аленкины глаза. И он даже вздрогнул – столько презрительной ненависти было в глазах девчонки, еще вчера безропотно кружившейся на его руках, еще вчера верившей в каждое его слово...

– Сергей Петрович, вас не затруднит принести ведро воды из колодца? – очень кстати обратилась к нему Нина Петровна.

И все вроде бы оставалось прежним: тропинка, груши на земле, межа, ключевая прозрачность воды, а вот Сереже Журавлеву никак не верилось, что был он здесь всего лишь вчера. Казалось, многие годы прошли с тех пор, он постарел, обрюзг, растерял желания, и лишь одинокая скука ожидает его впереди. Не хотелось возвращаться на дачу, и видеть кого-то Сереже не хотелось, и опять словно бы со стороны ему кто-то подсказал: «Надо жениться». И тревож-

ным холодком обдало его после этого, словно в предчувствии чего-то тайного и страшного. «Бежать, надо бежать, вновь подумалось Сереже. – Иначе эти пикники доведут...»

Но тут он увидел, что по тропинке из глубины сада навстречу ему идет Верочка. И такой одинокой была она на сырой и холодной земле, так зябко куталась в просторную вязаную кофту, такой знакомой и близкой показалась ему каждая ее черточка, что у Сережи заломило глаза. Он опустил ведро и молча смотрел, как она подходит все ближе, измученная минувшей ночью, усталая, с ввалившимися глазами, виновато и преданно смотрящими на него. А там, за ее плечами, ширясь и нарастая, в прорехе свинцовой тучи взбухало ослепительное ядро, ломкая полоса света стремительно приближалась к даче Кравцовых, речке Каменушке и огородной меже, и вскоре белокурые Верочкины волосы вспыхнули в этом волшебном свете, сливаясь с сиянием восходящего к жизни дня.

Рассказы

Деревянные кружева

I

Маленькое село Ельцево было примечательно тем, что живописно вытянулось по берегу небольшой бухточки и одним своим концом упиралось в суровые приречные скалы, а другим – выходило в широкую пойму ныне окончательно захиревшей горной речушки. Приметны в Ельцево и дома, все больше из хорошего теса, но главное их отличие – во всевозможных безделушках, которые по собственной охоте мастерил Колька Вострухин. То это петушок на коньке крыши, первым встречающий раннее деревенское утро, то затейливые кружева по наличникам, а уж ставни Колька выпишет – любо-дорого посмотреть. Тут тебе белка кедровую шишку в лапах перекачивает, а там, смотришь, гроздья винограда ветви обламывают, а то и просто змейкой чередуются замысловатые узоры. В деревне давно привыкли к Колькиному мастерству и особого значения ему не придавали, так, вроде бы балуется мальчик, ну и пусть его. Что же касается случайного заезжего люда, то они восхищались, фотографировали и просили даже подарить какую безделушку. А нынешним летом приехали девчата-студентки клуб штукатурировать и тоже мимо Колькиных кружев не прошли, почти у каждого дома охали и ахали. Самая шустрая из них, с коротенькими белыми косичками, к деду Самохвалову подступилась, просить розового петушка с крыши. Дед Самохвалов, хоть и стар и немощен, а на выдумку, известное дело, первый человек в Ельцево.

– Марья! – зашумел на весь двор. – Подавай петуха с пригона.

А Марья, сноха Самохвалова, не дошла умом до шутки и в самом деле прет из курятника живого петуха. Смеху потом было. Да ведь и Настенька, что из студентов, не растерялась, сунула деду витой шелковый шнурок и спокойно этак пояснила:

– Это я вашему петушку галстук из города привезла.

Тут и дед Самохвалов язык прикусил.

А Настенька выбежала к подругам со двора и пуще всех смехом залилась. Веселая была девчушка, скорая что на слова, что на работу. Так вот они, не успокоившись, шумной компанией к директору совхоза завалились.

Девчонок на жительство по разным квартирам определили, чтобы к деревенскому молоку, значит, поближе, да и к зелени какой с огорода. Ну, вот и случилось же так, что эта самая Настенька к Вострухиным на жительство попала. Оно бы все ничего, да домик у них что ни на есть махонький. Слепая кухня, да комнатенка в два окна. Да и мать у Кольки увечная, с войны на ноги трудно поднимается. Как похоронку на своего Семена получила, так слегла и с тех пор на ноги слабая стала. В общем, не повезло Настеньке насчет молока. Колька-то сам его выписывает, да с фермы совхозной таскает. А фермерское молоко, известно, от разных коров и вкуса своего не имеет. Уж потом одумались, да ей другую квартиру подсказали, но не схотела Настенька, так и остановилась у Вострухиных.

Но уж зато огород у Вострухиных – на загляденье. Все по грядочкам определено, на аккуратные квадратики разбито, и каждый такой квадратик свою специальную табличку имеет. А на тех табличках старательным Колькиным почерком все описано: какой сорт картошки, скажем, когда посажена, как унавожена, на какую глубину и много еще всякого прописано. Тут уж Колька мастер – равняться трудно.

Настенька, как выбежала в первый день на огород, так и замерла от удивления. А потом осторожно все Колькины квадратики обошла, и все таблички внимательно прочитала. Но пуще всего ее морковка заинтересовала, которой Колька странное прозвище дал: «пузатая-ельцовская». Да и то верно, морковка эта родится у него круглой, словно редиска, и вкусом странная, горько-сладкая какая-то...

II

А сам Колька в этот день был далеко от своей деревеньки. Отправил его директор на дальний полевой стан помещение для косцов ремонтировать. Добрался он к стану на собственной моторной лодке, наладил рыболовные закидушки и принялся за работу. Первым делом подгнившую балку у навеса сменил, крышу подправил и за переборку пола принялся. Плахи на земляном полу заплесневели, древесным грибком покрылись, а новые взять было неоткуда. Тогда Колька развел костер, быстренько смастерил козлы, и те плахи над огнем в течение двух часов выдерживал. К вечеру, когда солнце пошло на убыль и спала первая июньская жара, Колька уже справился со всеми делами и в задумчивости сидел у костра, положив руки и голову на высокие острые колени. Он наблюдал действие огня и хотел понять его тайну. Он хотел знать, почему на пламя можно смотреть часами и не уставать от этого, почему так много мыслей приходит у костра и такими близкими кажутся звезды. Ответа на свои вопросы Колька не нашел, а взял дощечку, нож и стал тесать. Теперь он не смотрел на огонь, но крохотные язычки пламени, извиваясь и закручиваясь, выходили из-под его ножа. Были эти язычки многоликими и яростными, но Кольке хотелось, чтобы они, как и настоящий костер, долго не отпускали взгляда, заставляли думать и видеть близкими звезды. Все это он чувствовал в себе и хотел передать дереву.

Со стана Колька уезжал поздним вечером, когда первые звезды выкатились на небо и замерцали голубоватым светом. Колька уверенно вел моторку по многочисленным протокам и с любопытством смотрел на то, как несется рядом с лодкой круглый диск луны. Однажды он резко взял влево, описал полный круг, и луна оказалась в центре этого круга. Она мягко покачивалась на волнах, равнодушная и бесстрастная к Колькиному любопытству.

– Зараза, – сказал Колька в задумчивости и покатыл дальше. Настроение у него было не веселое, не мрачное, а так себе – наполовину. Осенью Колька собирался жениться, и невеста уже у него подыскалась, и нужные такому случаю действия он произвел: проводил пару раз Стешу из клуба домой, поцеловал, как водится, ну и слова там всякие. Стеша приняла его ухаживания охотно, тем более что Колька сильно не пил, за каждой юбкой не бегал и сызмальства хозяйство самостоятельно содержал. Правда, радости Колька от предстоящей семейной жизни не испытывал, но в этом случае он дальше смотрел – мать хворая, за ней уход нужен, а самому всюду поспевать тяжеловато.

Спрятав весла и замкнув в кладовке мотор, Колька присел на высоком крыльце и закурил. Он был приятно уставшим, покойным, добрым в эти минуты. В дом идти не хотелось, и он слушал магнитофонную музыку, что гремела над всем селом с летней танцевальной площадки. Когда в динамике что-то щелкало, и оглашенная музыка на мгновение прерывалась, было слышно, как у соседей в пригоне вздыхает корова, и сонно квохчут куры.

Колька покурил, зевнул, неохотно встал и медленно побрел к центру села, к тополиной роще, глянуть на танцы да Стеше объявиться.

– Во, дятел притопал, – встретили его ребята, – ты где сегодня был?

– А на стане, – лениво отвечал Колька.

– Чума, тут девок навезли, студенток.

– Теперь уже всех поразобрали, тебе не досталось...

– А может, я кому не достался? – равнодушно усмехнулся Колька и пошел ближе к танцующим.

Он заметил Стешу. Она стояла в толпе сельских девчат и ревниво посматривала в ту сторону, где бойко переговаривались и, казалось, ни на кого не обращали внимания студентки.

– Стеша, – окликнул Колька и мягко улыбнулся, сунув руки в карманы и покачиваясь с пятки на носок, – иди сюда.

– Ты где пропал? – вышла из толпы Стеша и тоже улыбнулась, от чего лицо ее стало презабавно детским.

– На реке был... Пошли домой?

– Да ну тебя, – Стеша оглянулась на подруг и бойко зашептала: – Студентки приехали и выкамариваются, думают, лучше их нет. А мы уговорились, и ребят с ними танцевать не пускаем. Пусть их знают.

– Во, отмочили, – усмехнулся Колька.

– Пойдем танцевать?

– Ладно.

Они вошли в круг. Колька танцы недолюбливал, танцевал тщательно, высоко поднимая ноги и выпрямившись, как столб. Стеша тянула его к себе изо всех сил, но куда там, разве осилишь. Студентки все это вмиг приметили, и понеслись смешки, подковырки, так что Колька терпел, терпел, да и вышел из себя.

– Да пропади они пропадом, танцы твои, – он отпустил Стешу, и они стояли в центре танцплощадки, мешая другим танцевать, – говорил же тебе, пошли домой, так тебя ведь и калачом не сманишь...

Они вышли на улицу, и Колька облегченно вздохнул. Он даже засмеялся тихонько, так ему легко и весело стало.

– Айда на моторке погоняем? – предложил он бесшабашно.

– Сдурел? – Стеша прибавила шагу. – В такую темень шею свернуть захотел. А на дойку мне в четыре подниматься – забыл? Тебе-то хорошо, к девяти на работу, а я к тому времени уже все руки пообломаю.

Стеша и еще что-то говорила, а у Кольки разом пропало настроение, и он не удерживал ее, когда она взялась за калитку и выжидаяще приостановилась.

– Завтра придешь? – спросила Стеша.

– Не знаю, – вяло откликнулся Колька, – может, что мастерить буду, тогда не приду.

– Ну, я пошла...

– Ага...

III

Мать еще не спала. Она сидела в постели, откинувшись на высокие подушки, и что-то читала, далеко отставив книгу.

Колька присел к столу, сдвинул локтем хлебницу, и мягкая, добрая улыбка осветила его лицо.

– Не спишь, маманя? – спросил он участливо.

– Да где там, – положила книгу на колени и вздохнула мать, – на весь свой век, кажись, отоспалась. Ты давно ли приехал?

– В одиннадцать где-то. На танцы ходил.

– Ну! – улыбнулась мать, и добрые, милые морщинки сбежались к уголкам глубоко запавших глаз. – Да как же это ты догадался? Наверное, и Стешу видел?

– А то... Скачет по танцплощадке.

– Коля, я и забыла тебе сказать, – вдруг переполошилась мать, – к нам квартирантку поставили, из студентов. Вот же горе, как я запамятовала. Так тебе, видно, на сеновал перебираться надо. Ну да ничего, перспишь, ночи теплые. Маленькая такая студенточка, шустрая. Настасьей зовут. Ты бы что сготовил поужинать. Придет, небось есть захочет.

– А что готовить?

– Картошки пожарь, что ли, да капусты соленой из погреба достань. Заодно и сам повечерешь.

Колька достал картошку, придвинул ведро и погнал тонкую стружку, которая свисала далеко вниз и слегка пружинила. Он чистил картошку и рассказывал матери, Екатерине Павловне, весь прожитый день. И то, как он на разрядке с Венькой Голубевым из-за сосны сцепился, и как плахи над костром додумался осмолить, и как пламя хотел на дощечку перенести.

Екатерина Павловна слушала, изредка вставляла свои замечания.

– Да он что, Венька-то, сдурел? – удивилась она. – Отец всю жизнь те сосны выращивал, а сын их сгубить решился.

– Так и я ему об этом же.

– Виданное ли дело, сосны в нашем краю...

– Не понимает он. Словно чурбан какой. Пока директор не запретил, все свое молот: «Мои сосны, катись подальше». Вот и попробуй с ним поговори.

– Фу, досада, а не парень, – махнула рукой Екатерина Павловна, – что мастерил, покажешь?

– Сейчас, – Колька охотно пошел в свою мастерскую. Вернувшись, протянул матери дощечку и тут же загредел сковородкой, застучал ящиками стола.

Екатерина Павловна долго присматривалась к работе сына, снимала и вновь надевала очки, хмурила тоненькие брови.

– Плохо видеть стала, Коленька, – наконец сказала она, – никак огонь твой не разгляжу. Или не понимаю я?

– Не получилось у меня, – вздохнул Колька, – тяжело это.

Стукнула калитка. В двери постучали.

– Ну, вот и Настасья пришла, – встрепелась мать, – поди проведи, а то у нас в сенцах черт ногу сломает без света.

IV

Прошло две недели. К студентам в Ельцево попривыкли, тем более, что работали они хорошо, штукатурили умело, по всем правилам. На что девчата сельские, и те переменили свое отношение к горожанкам: завели знакомство, чуть шитье какое начнут – за советом обращаются, чтобы от моды не отстать, лицом в грязь не ударить. Уже через неделю половина сельских девчат в брючных костюмах щеголяла, но еще моднее зеленые студенческие курточки оказались. Вот как дело обернулось. А что касается парней, то те и подавно ничего против приезжих не имели, им бы и еще с десятков девчат – не отказались...

Вечером Колька сменил петушка на своей крыше. Прежний был хоть и красавец, с чудесной алой бородой и свесившимся набок гребнем, да новый еще лучше удался. Это был петух воинственной породы, у него одни шпоры чего стоили, а клюв крючком, а осанка и диковатый блеск сощуренного глаза – все в нем было на славу. Да вдобавок отступил Колька от традиции и не стал петушка к коньку приколачивать, а посадил его на вязальную спицу, и петушок теперь крутился во все стороны, словно высматривая своего заклятого врага. Была бы возможность – Колька бы всех петушков по селу сменил. Да больно много их развелось.

Справив это дело, Колька заглянул в дом и весело сказал матери:

– Маманя, а я на речку смотаюсь. Может, карасей на уху натаскаю.

Он быстро прикрепил подвесной мотор к самодельной деревянной лодочке и погнал к Дунькиной протоке, где знал верные места.

Был тихий вечер. Синий такой, с первыми паутинами и бабочками-однодневками. Зелененькие эти существа облепили лодку, сидели на удилице и поплавок, мягко тыкались в лицо. Были они прохладными и легкими, и на лице после них оставалась зеленая пыльца.

Выудив с десятков карасей, Колька осторожно побросал их в ведро с водой. Он и еще хотел порыбачить, но необыкновенно густо пошел комар, и Колька поспешно дернул стартер. И сразу же обдало встречным ветром, и комары запоздало бросились в погоню.

– На-ко, выкуси, – беззлобно сказал Колька и из-за острова увидел сельские огни. Раскинулись они вдоль Амура на добрых две версты, но свой домик у самых скал Колька, наверное, и закрыв глаза, нашел бы. Шутка ли, скоро тридцать лет, как он на свете существует и все в этом доме, у этой реки.

С берега, прямо от того места, где он оставлял лодку, кто-то светил фонариком. Свет этот мешал Кольке, он слепил его, и можно было врезаться в сваи, которые остались от прежнего рыбозавода, напротив его дома.

Светила фонариком Настенька. Она сидела на берегу и высоко подняла голову, когда Колька близко подошел к ней и прикрыл ладонью отражатель.

– Ты ездил рыбачить?

Колька убрал руку с фонарика и пошел к лодке. Он почти ничего не чувствовал, а только радовался, что вечер хороший, он наловил карасей и можно будет сварить чудесную уху.

Он взял ведро с карасями, поставил его на берег, а сам присел на нос лодки.

– Ты почему меня не взял? – спросила Настенька и насмешливо добавила: – Ты Стеши боишься?

Что было ей ответить. С самого начала Колька неожиданно усвоил почти отцовский тон по отношению к Настеньке и теперь никак не мог выйти из него, и разговаривал с ней до противного нравоучительно. Колька оправдывал себя тем, что он и действительно почти на десять лет старше Настеньки, но надо было как-то иначе, а у него чуть ли не каждое слово с претензией получалось...

– Не взял потому, – заговорил Колька, – что там комара много, да и дома тебя не было. А Стеши мне нечего бояться, с чего ты взяла?

– Да так. Она меня глазами ест, – Настенька засмеялась, – ты разве не заметил, я с каждым днем все худею, все худею...

– Надо бегать поменьше, а то ведь ты на месте и минуты усидеть не можешь.

– Ему про деньги, а он про кино. – Настенька уронила голову на колени и фонариком что-то чертила на песке.

Самое смешное было в том, что почти все село относилось к Кольке так же, как он теперь к Настеньке. Он еще не помнил случая, чтобы его кто-нибудь Николаем назвал. Даже пацанва, что еще в туалет курить бегаёт, свободно спрашивала: «Колька, нового петушка покажешь?» И Колька показывал, лазил вместе с мальчишками на крышу, учил владеть лобзиком, держать в руках рубанок.

Домой уходить не хотелось. Вечер и в самом деле был хорош, и Колька расслабленно думал о том, что надо бы съездить в город, закупить новые стамески, присмотреть подходящие краски и попытаться осилить огонь. Чтобы деревянные язычки пламени руки обжигали, чтобы даже на расстоянии от них тепло чувствовалось. А что он в прошлый раз смастерил, так там даже и духу огневого нет. Так себе, ножом поковырял.

А Настенька все сидела в молчании, и чем-то фигурка ее маленькая на песке тревожила Кольку. То ли он побаивался за нее, то ли ее боялся – не понять. Но он искоса поглядывал на Настеньку, сбивался с мысли и потом долго припоминал, о чем же таком думал.

– Вечер, – наконец сказал Колька, – хороший.

– Да уж куда лучше, – улыбнулась своим мыслям Настенька и вздохнула, и белые косички дрогнули на ее плечах.

– Пошли. Пора и на покой, – не совсем уверенно сказал Колька и принялся закатывать высокие болотные сапоги.

Он шел впереди и нес ведро с карасями, и они легонько плескались в ведре. Настенька светила фонариком и видела, как из-под Колькиных каблуков золотой пылью взвихривался песок, и еще она видела его прямую долговязую фигуру в коротком не по росту пиджачишке.

У самого Колькиного дома навстречу попались сельские девчата. Они плотной кучкой шли по деревянному тротуару, и за их голосами и смехом не слышно было поскрипывания старых досок. Колька и Настенька посторонились, пропуская девчат, и они весело прошли мимо, а перед ними осталась Стеша. Несколько минут они стояли в молчании, а потом Настенька ушла в дом, и там что-то загремело в сенцах, вырвался свет из открытой двери, и все стихло.

- Рыбалил? – спросила Стеша и насмешливо покосилась на ведро.
- По карасям прошелся, – вяло ответил Колька и тряхнул ведром.
- Ночью-то?
- А что, самый клев.
- Прокатил бы на лодке.
- Сейчас?!

Стеша задумалась на минутку, пожала круглыми плечами.

- Сейчас поздно уже, поди и днем время есть?
- Приходи. Я с удовольствием. Мотора мне, что ли, жалко.
- А кто знает? Может быть, и жалеешь для меня.

Колька понимал намеки Стеши и постепенно начинал сердиться. А так как он терпеть не мог каких-то там недомолвок и дипломатий, то вдруг и заговорил решительно:

– Ты, Стеша, ерундой не занимайся. Настя для меня как сестренка. Вас-то пятеро, сестер да братьев, а я один. И ты разную ерунду из головы выбрось. Нам теперь о другом надо думать, а не о ерунде какой-нибудь... Ты за меня-то пойдешь? – заключил Колька совершенно неожиданно для Стеши и тем более для себя.

Стеша в первое мгновение растерялась и испуганно смотрела на Кольку, потом опустила глаза и увидела его подвернутые сапоги, к которым прилипли рыбы чешуйки, и теперь холодно поблескивали от луны.

– Тю-ю, спятил, что ли? – наконец сказала она, чувствуя, как краска заливает лицо, и часто мигая коротенькими ресничками. – Кто же так предложение делает?

– А я и делаю, кто же еще, – совершенно беспечно ответил Колька, поставил ведро на тротуар и решительно обнял притихшую Стешу. А луна мерцала и вздрагивала в ведре, на дне которого лежали золотистые караси.

V

Прошел еще месяц. На деревенских огородах поднялась зелень, вошла в силу и цвет. Воздух затуманился от этой зелени, обмяк и пьянящим дурманом плыл вечерами над селом.

После работы Колька помог матери выйти на улицу и усадил в кресло, которое специально смастерил для нее. Екатерина Павловна сильно щурилась от солнечного света и растерянно смотрела вокруг себя. Красота земли поражала ее до невозможности, и она всякий день долго привыкала к ней, тревожно перебирая длинными пальцами тесемки своей любимой цветастой кофты.

Колька суетился рядом, подкладывая щепочки под ножки шатающегося на неровностях земли кресла, поправляя подушку и мешая Екатерине Павловне сосредоточиться в себе.

– Да угомонись ты, – притворно сердилась она и смотрела на сына добрыми глубокими глазами. – Хорошо мне, ничего больше не надо.

– Пузатку хочешь? – спрашивал Колька мать, смеялся и бежал на огород, где долго выбирал самую большую морковку сорта «пузатая-ельцовская». Он тщательно обтирал ее от земли шелковистой ботвой, а потом еще и полой пиджака.

Екатерина Павловна легонько надкусывала морковь и невольно в смущении улыбалась, потому что видела себя в эти минуты босоногой деревенской девчушкой.

– Пойду, «поросят» проведу, – ухмылялся Колька и шел на огород к квадратику с редиской.

Потом появлялась Настенька. Всякий раз она осторожненько подкрадывалась к Екатерине Павловне, розовыми от солнца ладонями прикрывала ей глаза и тоненько пищала: «Ау-у». И каждый раз Екатерина Павловна поддавалась на эту игру и встревоженно спрашивала: «Господи, кто же это пришел?»

Настенька загорела и вроде бы взрослее стала. Все черты ее лица как-то неожиданно заострились и обнаружили хорошенькое, по лукавому смышленное личико.

Она садилась на маленький стульчик рядом с Екатериной Павловной и бойко рассказывала:

– Сегодня ваша Лушка пришла, препротивная тетечка, и давай критику разводить. Мол, и стены после нас неровными стали, и потолок мы полосами намазали, и вроде бы вообще работать не умеем. Ну, мы ей и предложили показать, как надо делать. Как она раскричалась, как расшумелась: «Что вы понимаете?! Я еще в войну свое отработала!» А сама толстая, как дебаркадер.

Екатерина Павловна улыбается и припоминает, что Лукерье Савотиной и в войну неплохо жилось. Работала она на пекарне, без хлеба не сидела, а еще и сверх нормы прихватывала. Но ничего об этом Настеньке не говорила, а лишь украдкой наблюдала ее и радовалась почему-то.

А Настенька уже на огород бежала. И Екатерина Павловна видела, как сразу же подтягивался и скучнел ее сын. Он становился вялым и равнодушным, и не проходило полчаса, как уходил в свою мастерскую и начинал чем-то там стучать, греметь и, как казалось Екатерине Павловне, совершенно напрасно. Потому что за весь последний месяц не показал ей сын ни одной новой своей работы.

Екатерина Павловна не вмешивалась. Она помнила себя молодой.

VI

Настенька вошла в мастерскую, а Колька спиной к ней сидел на низеньком брезентовом стульчике. Сидел и что-то лобзиком колдовал на фанере. Настенька присела на верстак, поболтала в воздухе ногами, глянула в распахнутое окно на улицу и вздохнула.

– А мы сегодня уезжаем, – сказала она и увидела, что Колькина рука на мгновение замерла, а потом опять задвигалась вместе с лобзиком, но уже как-то рывками, чересчур резко.

– Нам и деньги выплатили в конторе. По двести рублей отхватили. Все девчонки удивляются – много получилось.

– Теплоходом, что ли? – не оглянувшись Колька и не приостановил своего занятия.

– А то чем же... Ты бы мне подарил что-нибудь? Я в городе хвастаться буду. Там таких штук и в музее не найдешь...

– Зачем тебе? Будет под кроватью в общежитии валяться.

Колька оставил лобзик, выпрямился и закурил. Тоненькой струйкой выпустил он дым и впервые посмотрел на Настеньку.

– Ты подари, – рассердилась Настенька, – а я уж знаю, что мне делать.

Колька поднялся со стульчика и оказался громадным в своей крохотной мастерской. Он пошел в угол, долго перекладывал какие-то ящики и доски, сердито пнул завалившуюся консервную банку, но, наконец, отыскал что-то и стал пристально разглядывать. Настенька заглянула через его плечо и увидела узкую дощечку, которая словно бы светилась от множества узоров и казалась совершенно воздушной. Она не вытерпела, протянула руку и коснулась Кольки, и неожиданно замерла в испуге. А Колька медленно повернул голову и с удивлением посмотрел на Настеньку, и какая-то тень мелькнула в его глазах.

– Ты скоро женишься? – тихо спросила Настенька и отстранилась, попятилась назад, к верстаку.

– Скоро женюсь, – сказал Колька, медленно повернулся и протянул ей дощечку.

– Что это?

– Кружева.

– Спасибо.

– На здоровье. Раньше их для полочек в передние углы делали. Образа на них ставили. А теперь образов нет – и полочки перестали делать.

Они помолчали. Колька стоял перед Настенькой, не зная, куда девать длинные руки.

– Сейчас бы дождик пошел, – прошептала Настенька, с тоской глядя в окно, – я люблю в дождик на теплоходе.

– Осень уже скоро, – ответил Колька и исподлобья глянул на Настеньку.

– Ладно... Пойду я... Вы скоро картошку будете копать?

– Недели две еще подождем.

– Весело будет.

– Обыкновенно. Какое веселье, работа.

– Пойду...

Колька взял с верстака щепку, повертел в руках и легко переломил. Оба вздрогнули от резкого щелчка.

– До свиданья, – Настенька пошла к двери.

– Счастливо... Приезжай когда.

– Теперь не скоро...

И Настенька ушла. Колька долго сидел в неподвижности и старался зачем-то соединить изломанную щепку. Потом он сел на брезентовый стульчик и принялся яростно пилить лобзиком. Но пламя у него не получалось. Языки огня были мертвыми, от них не было тепла, не было простора мыслям и звезды не казались близкими...

Никто не смеялся

I

Поздним вечером, когда солнце уже потонуло за далекими хребтами и в той стороне творилось по небосклону что-то яростное и малопонятное, у пирса Дементьевского коопзверопромхоза ошвартовалась баржа с грузом из города. Над деревушкой, скромно прилепившейся у склона пологих скал, мягко поплыл и растаял в вечернем воздухе бархатистый гудок, совершенно не соответствующий по звуку грязно-серой, обшарпанной самоходке.

Еще не умолк в скалах последний отзвук сирены, а Семен Алексеевич Решетников, директор коопзверопромхоза, уже выскочил из дома и через десять минут был в конторке на пирсе. В душе он негодовал и чертыхался, так как самоходку обещали поставить с утра, а вышло на самом деле нелепо: чертовы амурские волнорезы пришлепали под самую ночь, и теперь попробуй, собери народ на выгрузку.

Молодой, напористый капитан самоходки весело крикнул Решетникову с мостика:

– Через час не начнете – снимаемся без предупреждения и уходим в Тахту.

Решетников поморщился, хотел ввязаться в спор, но передумал и, махнув рукой, бросился к телефону.

Через час выгрузка началась, но за это Решетников заплатился сверхурочными и магарычом...

А на барже и пирсе работа шла своим ходом. Главенствовал здесь Гошка Петлин, веселый разбитной парень, умевший верховодить в любой ситуации. Он легко взваливал на широкие плечи тяжеленные мешки с солью, ловко катал бочки, успевал повсюду, не забывая при этом отпускать солоноватые шуточки и весело хохотать. Его высокая, мощная фигура особенно рельефно выделялась в свете прожекторов, и он без усталости мотался по трапу, словно давно соскучился по настоящей, такой вот веселой и тяжелой работе. Промысловики, все больше неторопкие, но ладные и хватистые, охотно подчинялись Гошкиным командам, без обиды сносили его колкие шуточки и между делом, как-то незаметно, в два часа управились с работой. Решетников с кладовщиком едва успели документы оформить, а уже все было готово, и улыбающийся Гошка Петлин, потный и горячий, стоял на пороге кладовушки.

– Что такое? – невольно спросил Решетников, близоруко шурясь на Гошку.

– Слово за вами, Семен Алексеевич, а у нас – точка.

– Ну?!

– Можете проверить.

– Да вы не забыли чего? Там два мешка костной муки должно быть.

– Было.

Ящик с капканами?

– Вторым рейсом уперли.

– Гм... – Решетников помялся. Теперь, когда самоходка была уже разгружена, как-то жаль стало и сверхурочных, и магарыча. Первое еще шут с ним – положено, а вот за второе могло и нагореть.

– Все так все, – кивнул Решетников и отвернулся к бумагам.

– А магарыч? – Гошка шагнул через порог.

Поняв, что от Гошки не отвязаться, Решетников вздохнул и недовольно буркнул:

– Будет магарыч... Только вы там...

– Все пропьем, но флот не опозорим, – повеселел Гошка и вывалился из конторки.

Пока Решетников ездил в винный цех, промысловики насобирали по берегу сухого плавника, развели большой костер, примостились вокруг него и слушали какую-то залихватскую музыку с удаляющейся вниз по течению самоходки.

– Повариха у них, заметили? Ум... м... м, – протянул Гошка.

– Там и без тебя охотников навалом. Целая команда, – закуривая, сказал Семен Ковалев. – А хошь, так и плыви вслед.

– Нашел дурака! – засмеялся Гошка, – если бы с магарычом, я бы, может, и поплыл.

– А славно поработали, – запоздало восхитился Василий Федоров, молчаливый, вечно угрюмый мужик, отличный охотник.

– Сла-авно, – согласно протянул Семен.

Давно уже высыпали по небу крупные звезды, затеплились огоньки в окнах домов, и порой слышались из деревеньки женские пронзительные голоса – то матери собирали свою шантрапу на поздний летний ужин.

– Что это он там, самогон гонит для нас, что ли? – проворчал Гошка, и в эту минуту вниз под сопочку быстро покатались два ярких шара автомобильных фар.

II

– С нами, Семен Алексеевич, присаживайся. Ну, хоть по махонькой?

– Сказано – нет, значит – нет, – сердито отрезал Решетников и, прежде чем сесть в кабину грузовика, еще раз напомнил: – Не загуливайтесь... Если что, в другой раз хребты сломаете, – пальцем не шевельну.

– Да мы что, маленькие? – обиделись промысловики. – Да и привез-то – кот заплакал.

– Ну, смотрите, – Решетников хлопнул дверцей и укатил.

– Давно бы так, – оживился Гошка и принялся за консервные банки.

Через час костер пылал еще ярче, его блики ало ложились на воду, пружинили и нескончаемо неслись в неведомые дали. Звезды как бы ступевались и поблекли в свете костра, краешек луны, выглянувший из-за сопки, замер в нерешительности, словно размышляя, что дальше делать: вверх ли карабкаться или вниз скатиться...

Хорошо выпившие и хорошо закусившие мужики загалдели, перебивая друг друга, спешили высказать свое, казалось, самое главное. Один Гошка притих, не принимал участия в разговоре и задумчиво смотрел на алые блики, далеко убегающие по воде.

– Что мы кипятимся, – повысил голос Семен Ковалев, – если кто охотник, так это Гошка. Я хоть и старше его по стажу в два раза, а признаю. Он три года подряд по два плана выколачивает. А я не скажу, чтобы у него угодье лучше наших было. А, Гошка?

– Да бросьте вы про охоту, – неожиданно встрепенулся Гошка, – неужели не надоело? Тошнит уже от нее. Дайте хоть летом отдохнуть. Есть у вас по стволу, вот и палите, а про охоту бросьте. Мне тут случай один припомнился... Повариха-то с самоходки мне знакомая.

Мужики, вначале осерчавшие от резких Гошкиных слов, притихли и с любопытством посмотрели на него.

– Ну, – не выдержал Семен, – что из того?

– Да ничего, – усмехнулся Гошка, – если хотите, расскажу. Животики надорвете. Там еще чего осталось?

– Осталось.

– Налей. По сухому не пойдет.

Гошке налили, он выпил, перевел дух, закурил.

– Года три назад гостил я у брата в Тахте, – неторопливо, зная, что его внимательно слушают, начал Гошка. – Живет он, зараза, хорошо. Домину себе отгрохал, мотоцикл с коляской купил, «Прогресс» под «Вихрем» бегаёт. В общем, не жизнь, а малина... Ну, я и завалился в эту малину. День на мотоцикле гоняю, день пью, день на моторке по протокам шастаю. Как-то пристал я к косе, вышел на берег и наладился закидушками плетей дергать. Они в том месте хорошо брались, успевай только червей менять. Навострил я снасти, присел, леску держу, звонка дожидаясь. Вдруг смотрю – по бережку в мою сторону две шмыгалицы с ведерками маршируют. Подошли, встали за моей спиной и чего-то хихикают. Я к ним без интереса, спросил только, чего им от меня требуется. Просят на ту сторону, домой перевезти. Они утром катером за голубицей приехали, набрали уже сполна, а катер только вечером придет, вот и сунулись ко мне. Ладно, говорю им, порыбачу немного, переброшу. Я своим делом занят, они – своим – разговорами. За полчаса я уже знал, что закончили они первый курс медицинского училища в Николаевске, теперь на отдыхе дома, собираются на теплоходе в Хабаровск съездить. Одной какой-то там Колька нравится, вторая – по Брониславу сохнет, по полячку какому-то. Жара невозможная, от реки и то теплом прет, а им хоть бы что, знай себе языками чешут. Надоела мне эта жара, а заодно и рыбалка, я им и команду:

– Сигайте в лодку.

Они попрыгали, уселись на корме, я оттолкнулся, вскочил в лодку, стартер врубил и полным ходом в село. Мотор прет хорошо, только брызги во все стороны разлетаются.

Ну как? – я оглянулся и, мужики, честное слово – обалдел. Мамочки мои! Одна-то рыженькая, плюгавая, очки на носу топорщатся, зато вторая... Молоденькие обе, лет по семнадцати, а как небо и земля. У этой челка на лоб, а у той целый парус за спиной, лицо смуглое, веселое, зубы один к одному и блестят. Фигура – гаси свет. Екнуло у меня сердце, голова закружилась. Эх, думаю, достанется же какому-то охламону такая роскошь, какому-нибудь Броне, а он и оценить не сумеет. Наверняка такая же сопля, как и она, ему лишь бы губами пошлепать. В общем, очумел я, братцы, от этой пигалицы и давай крутые виражи на лодке выписывать. Они визжат сзади, а у меня круги перед глазами – слопал бы ее и косточки не выплюнул... К берегу я нарочно подошел так, чтобы по воде надо было от лодки идти.

– Ну, – говорю им, – сигайте на руки. Так и быть, перенесу.

Очкастая-то носом воротит, побоялась, наверное, что очки слетят. А эта, краля, ничего: обувку свою в руку взяла и ко мне. Поднял я ее, словно пушинку, и опускать уже не хочется. Каждую косточку, каждую складку ее чувствую, а она еще и за шею меня обхватила, смеется, ногами дергает. Не выдержал, тиснул я ее крепенько так. Она пискнула, как мышонок, и притихла.

– Вечером, – шепчу я ей, – приходи сюда. Будем на лодке кататься. – Легонько в шею поцеловал, словно бы нечаянно так губами ткнулся... Она еще тише стала. – Придешь? – спрашиваю.

– Не знаю, – шепотком отвечает мне.

– Приходи.

Опустил я ее на берег, а очкастенькая уже там стоит, все видела и на меня зверем смотрит. Понятно, не ее же на руках таскали, злится.

– Люся, пошли! – командует она, а я чувю, Люсе-то уже и уходить не хочется. Однако пошли...

Гошка умолк. Минуту все сидели молча, и лишь костер яростно стрелял углями. Неожиданно Гошка весело рассмеялся.

– Ум-мора...

– Что?

– Да так.

– Рассказывай, если начал, нечего волынить.

– Сейчас, – Гошка опять хохотнул.

III

– Жду я вечера, – еще не совсем справившись со смехом, продолжал Гошка, – сил моих нет. В обед с братухой по маленькой пропустили, вроде бы полегчало... Я ему и рассказываю про негаданную встречу. Он посмеялся: знаю, говорит, о ком ты толкуешь, Люська это Головина, Насти Головиной дочка. У нее, мол, и мать красавица была, да и теперь еще не слиняла. Но строга, не подступись, – и на дверь оглядывается, чтобы жена, значит, не подслушала. В девках, братуха говорит, сошлась с одним мореманом, Люську прижила, а мореман вскорости и смылся. И больше ни один мужик, кроме того моремана, ее не знал. Такой характер твердый, не бабский. Ну, я слушаю, на ус мотаю. Как про мать разговор зашел, мне и Люська та понятней стала. Скумекал я, с какого бока к ней подъезжать надо. Яблоко от яблони, известно, недалеко падает... В общем, протащился день, и сумерки заходят. Как только чуток стемнело, я в моторку и погнал к тому месту, где их днем высаживал. Пристал к берегу, сел на носу и смолю одну сигарету за другой. Где-то гитара затренькала, коровы мычат, а я сижу и покуриваю. Зло меня разбирает, не придет, думаю. Мало ли шпаны за ней крутятся, с гитарами там, со стишками, а я что – под тридцать уже давит. Уезжать собрался, когда, слышу, камушки с косогорчика покатались: идет кто-то... Моя, значит, все-таки взяла, а не какие-нибудь там шпингалеты с магнитофонами. Прыгнул я с лодки, стою, жду. Матушки, подходят двое! Очкастую приперла с собой. Кино, а не свидание. Ну, конечно, я вида не подаю. Милости просим, мол, в лодочку, сейчас я вас с ветерочком, да по ухабам... Там, в Тахте, если кто бывал, знает, под утесом завсегда волнолом, в любую погоду. Вот я туда и дунул. Люсю рядом с собой посадил, а та, дура очкастая, на корме приткнулась. Ну и пошел краковяк. Волны выше бортов, корму брызгами заливает, очкастая вопит, страшно ей там, одной, да еще и мокро, а мы с Люськой за ветровым стеклом, у нас Сухуми. Она было сунулась к очкастой, но тут уже я не зевал: одной рукой за баранку, второй – за ее бочок. Тепленькая, как кошка, слышно, как сердце стучит. Эх, ребята, бывают в жизни моменты. Она вначале еще упиралась, да где там, лодку швыряет с боку на бок, хошь не хошь, а прижмешься. Выскочил я из-под утеса, отпустил ее, она к подруге. Это ничего, думаю, быстрее по мне соскучится. А ночка выдалась – звезды с кулак, низко висят, луна ровно землю в первый раз увидела. Вода спокойная, так и прет под лодку. Пигалицы сзади притихли.

– Еще разочек? – кричу им.

– Я на вас пожалуюсь, – очкастенная визжит, а на самой сухого места нет: – Прекратите безобразия! Везите нас домой.

– Пожалуйста, – отвечаю, – домой так домой... Подхватил я прежним макаром Люсю из лодки, а она уже ничего, смиренная, головку мне на плечо положила.

– Приходи, – говорю я ей, – завтра одна. Ну ее к черту, подружку твою. Придешь?

– Приду, – вздохнула она.

IV

Ночь я не спал. Какой там сон, все пигалица эта мерещится. Глаза закрою и ее вижу. Хохма, влюбился, да и только. А вот как день проскочил – не заметил. Надраил я моторку до блеска, снаряжение на ночевку наладил. В магазин сбегал, водки и шампанского купил, закусок

разных. Все чин чинарем. Учить не надо. Ну, суть да дело и вечер приспел. А я уже чувствовал, что сегодня или грудь в крестах, или голова в кустах. Припоздился специально, уже по темени от берега отвалил. Пристаю на место, гля – стоит, дожидается. Одна-одинешенька. Беленькое платице надела, словно под венец собралась...

Только недолго, – просит она меня.

Конечно, недолго, какой разговор.

Обнял я ее тут же, поцеловал. Затрепыхалась она, словно рыбка в сачке, а сама еще и целоваться-то не обучилась. В общем, погнали мы. Знал я один островок там. Над самой водой сплошной ракитник, а чуть дальше пройдешь, песок, травка – благодать. Хода, правда, около часа туда, но я горючкой запасаю. Прикатили. Вынул я ее из лодки, на берег поставил. Молчит, глазенками лупает... Теперь-то я соображаю, что она уже тогда обо всем догадывалась, понимала, что к чему, а молчала вот же. Ни гу-гу. Насобирали я хвороста, костер запалил, закусь из сумки выволок, на специальную клеенку разложил, чтобы, значит, песок на продукты не попал, ну и ей: садись, мол, царица, пировать будем. А она на меня глазенки пялит, не садится... Подберет прутик, бросит в костер и опять стоит молча. Ну, понятно, я не тороплю ее, зачем, вся ночь впереди, да и чувствовал уже, что никуда она от меня не денется. Достал стакашки, пальнул из шампанского, налил ей, а себе водки. Она – ноль внимания. Ладно, выпил один. Не гордый. Закурил. Хорошо, думаю, не шилом, так мылом, а все равно по-нашему будет. И давай я ей заливать про мою тяжелую жизнь, уж чего только не наплел, вспоминать тошно. А она верит, дурочка, вытаращилась на меня, в глазенках слезы стоят. Присела незаметно, на руку оперлась, головку набок свесила, а волосы так и льются с ее головы, губки пухленькие, красные. Я заливаю ей, а сам едва сдерживаюсь, чтобы к ней не кинуться. В роль вошел, до того дотрепался, что самого себя жалко стало. В горле запершило. Налил себе вторую, опрокинул.

– Дайте и мне, – говорит вдруг она.

Я еще немного помедлил для приличия, вроде как раздумывал, дать или не дать. Выпила она, конфетку съела, на меня смотрит. А я хлоп на живот и отвернулся. Курю. Чувствую, переживает она поближе. Потом рукой по голове гладит, вздыхает. Ну и про себя начала рассказывать, про свои горести, а какие у нее там горести – смех один. То преподавательница какая-то ее не любит, то сама она кого-то обидела, туфли на танцы не дала. Ну и дальше все в таком же порядке. Потянул я ее к себе, а она не сопротивляется. Легла рядом и заплакала. Чего ты, говорю ей, дурочка? Все одно ведь когда-то надо начинать.

– Меня мальчик один любит, – говорит она мне.

– Это который Броня, что ли? – спрашиваю ее.

– Да. Он очень хороший. По иностранному мне помогал.

– А как ты, любишь его?

– Не знаю.

– Вот что бы вы сделали в этом случае? – вдруг обратился Гошка к мужикам, глядя на них с веселой иронией. Те неопределенно пожали плечами, пользуясь паузой, завозились, удобнее устраиваясь вокруг костра. – Небось, силой бы поперли, а? Конечно, можно было и силой, – размышлял Гошка, – только в этом интереса мало. А я вот по-другому политику повел. Как? А очень просто. Сделал видуху, что обиделся, приревновал. Отпустил ее и отвернулся. Она вначале притихла, потом завозилась. Непонятно ей, что такое со мной случилось. Потом приникла уже сама ко мне и спрашивает:

– Вы обиделись, что тот мальчик меня любит? – Я молчу. Лежу как каменный. – Но мы ведь даже не целовались. Он хороший, это правда, но мы не целовались.

– Между прочим, – говорю я ей, – зовут меня Георгий и хватит мне выкатать. Я тебе не дядя.

– Хорошо, – говорит она покорно, – больше не буду.

– Ну, а его ты все-таки любишь или нет? – опять спрашиваю я.

Молчит. Врать-то еще не научилась и опять же в другой раз меня обидеть боится. Долго она молчала, а потом и бухнула:

– Ты мне очень понравился. Еще тогда, в первый раз, в лодке.

Обнял я ее, а она уже и не сопротивляется, и не плачет, и меня вроде бы как обнять налаживается. В общем, все в норме...

С этого дня и пошла потеха. Привязалась ко мне, словно собачонка. Записки подбрасывает, на каждом шагу навстречу попадается, ну и всякие там детские штучки... А мне уже смаковать пора было. Отпуск заканчивался. Да и мать ее, кажется, что-то проведала. На меня зверем смотрит, здороваться перестала. В общем – климат не тот, чтобы и дальше у братухана разгуливать. Одна загвоздка: как уехать? Если сказать ей, еще на пристань прибежит, вой поднимет. Они же, бабы, известно как в таких случаях... Ну, я и придумал хохму одну. Говорю ей, ты завтра днем на утес приходи. Я, может быть, задержусь маленько, так ты жди. А она ровно почувствовала что-то, загрустила и спрашивает меня:

Ты, наверное, уедешь скоро?

Нет, – говорю ей, – еще не скоро.

Я ведь понимаю, – она мне, – но только бы хоть иногда видеть тебя.

Увидишь...

– Я хоть куда к тебе приеду. Ты только напиши мне, – говорит она, – а уж я приеду.

– Ладно, напишу. Не забыла – завтра на утесе.

Ну и, значит, на другой день я занял на теплоходе каюту, с братухой дерябнули порядочно на прощание и отвалил. Как подошли к утесу, выглянул я в иллюминатор. Смотрю, стоит моя кроха на утесе. Принарядилась, в руках букетик цветов, должно быть, для меня насобираала, и стоит. Ум... мо... ра...

Гошка закинул назад русую голову и громко расхохотался. Но, видимо, что-то насторожило его. Он резко оборвал смех, выпрямился всем своим мощным красивым телом и медленно обвел мужиков взглядом.

Промысловики не смеялись. Катилась в темном небе круглая луна, медленно догорал костер и... никто не смеялся.

Скорпион

I

Когда метель закончилась и встало над селом мутное далекое солнце, все увидели, что домишко Нинки Безруковой засыпан по самую крышу, а из трубы жиденько вьется синий дымок. Собравшиеся мужики несколько раз обошли Нинкино жильё, осмотрели со всех сторон, но никаких входов-выходов не обнаружили. Тогда Володька Басов полез на крышу и начал кричать в трубу. Но и из этого ничего не вышло. Володька только дыма наглотался. Мужики посоветовались и решили откапывать.

Сергея Безруков тут же стоял, небрежно сунув руки в карманы полушубка. Он внимательно следил за всеми действиями мужиков, презрительно усмехался и щурил свои продолговатые по-женски красивые глаза.

Когда лопата первый раз сухо скребнула по двери, Сергей переместился поближе и закурил.

– Эй, Нинка! – закричал Володька Басов. – Жива, что ли?

– Жива, – донесся приглушенный Нинкин голос.

– Сейчас откапаем. Не гоношись...

Сергея Безруков сплюнул окурок в снег, постоял еще немного и пошел по улице, переметной высокими сугробами. Уход его все заметили, особенно женщины, и тут же посыпались шепотки, догадки, предположения.

Нинка вывалилась из двери, как из берлоги, патлатая, в одном платье, в тапочках на босу ногу. Чмокнула в щеку Вовку Басова (Басиха нахмурилась и полезла ближе к мужу), засмеялась, еще кого-то поцеловала мимоходом, расплакалась и упала женщинам на руки.

– Ну, будет тебе, – нестрого ворчали бабы, – будет, Нинка.

– Ой, горюшко, – застонала со смехом и слезами Нинка, жадно шаря по толпе глазами, – ведь сдохнешь, и никому дела нет. Жизнь-то проклятая какая, а? Три дня просидела и хоть бы кто схватился. Ну и люди! Ироды пустоголовые, кикиморы...

Все знали, к кому относятся эти слова, и не обижались на Нинку. А того, к кому она обращалась, давно уже не было здесь, лишь изжеванный окурочек темнел на ослепительно белом снегу.

– Ну, Нинка, выдержала ты блокаду, сто лет теперь будешь жить, – засмеялся Володька, спешно уводимый своей Басихой.

– А где твой Скорпион? – засмеялись и бабы, обступив и разглядывая Нинку.

– Спит, где же еще ему быть. Ему все нипочем...

– Твой был здесь. Недавно ушел. Как докопались, так и ушел.

Нинка побледнела, зажмурилась, растолкала баб и пошла в дом. И скоро пусто стало на окраине Сосновки. Пусто, тихо, покойно.

II

Скорпион, шестилетний Нинкин сынишка, которого она бог знает почему сама так прозвала, преспокойно спал в своей кроватке, разметав пухленькие руки поверх одеяла. Был он – вылитый папаша, с такими же продолговатыми глазами, смуглой кожей и выпирающими скулами. Спал он давно и крепко. Нинка соскучилась одна, злилась на него, но будить не решалась. Как и папенька преподобный, Скорпион был решительного нрава и терпеть не мог, когда его зазря беспокоили.

Нинка безмолвно постояла над ним и недовольно пробурчала:

– Ладно, спи. Я тебе после физзарядку устрою.

Но выполнить своей угрозы она не успела, потому как прибежал Мишка Горшков и сообщил, что привезли почту. Она быстро собралась, недоумевая, как умудрилась после такого бурана пробиться машина с центральной усадьбы. Скорпион продолжал спать, она минутку поколебалась и все-таки не удержалась, чмокнула его в острую скулу, чмокнула еще раз и, уловив, как начали сдвигаться реденькие Скорпионовы бровки, выскочила на улицу.

Вообще-то она соскучилась за эти три дня по людям, по разговору, по той жизни, которой жила ее бессосновая Сосновка. И бежала Нинка по улице радостная, приветливая, возбужденная. Односельчане весело приветствовали ее, не забывая беззлобно пошутить:

– Ну что, Нинка, ослобонилась?

– Немного до пятнадцати суток не дотянула, а?

– Ты как в подлодке окопалась, Нинка, одна стереотруба торчит.

Нинка посмеивалась, тоже шутила в ответ и дальше бежала, пока на Костю Девяткина не наткнулась. Костя из магазина вышел. Увидел Нинку, смутился.

– Здравствуй, Нина.

– Здравствуй, Костя.

– На почту?

– На почту.

– А я вот к Вовке.

– Меня бы пригласили.

– Приходи.

– Вот почту разнесу и прибегу.

– У Вовки день рождения сегодня.

– Приду...

«Пусть хоть лопнет, а я пойду, – думала Нинка, шагая дальше, – пусть хоть разорвется, черт скуластый, пойду, да и все».

Приняв почту, расписавшись, Нинка взялась сортировать в первую очередь письма и... Конверт был какой-то необычный, с красивыми марками, из плотной бумаги, с аккуратно вписанным индексом и, главное, предназначался Безрукову Сергею Феокистовичу. Почерк явно женский, тут уже Нинку учить не надо, обратный адрес – Барнаул и роспись.

– Так, – прошептала Нинка, – так, Сергей Феокистович. Ладно, пусть будет так. Тем более к ребятам пойду. Нарочно пообещала, а теперь вот пойду. А письмо тебе Скорпион вручит. Посмотрим, как ты отвертишься, посмотрим.

Через полчаса Нинка шагала по деревенской улице с тяжелой почтовой сумкой через плечо.

III

Когда она вернулась домой, Скорпион копал снег лопатой и никакого внимания на нее не обратил. Нинка понаблюдала за его работой, спросила:

– Ты ел, Скоря?

Скорпион не ответил. Она вздохнула и пошла в дом. Заглянула в сковородку с жареной картошкой, поняла, что Скорпион поел и поел хорошо. Теперь надо было дожидаться, пока он накопается, и передать ему письмо для отца. Пусть снесет, пусть тот повыкручивается. А пока Нинка принялась переодеваться, красить ресницы, в общем – наводить марафет.

Когда Скорпион пришел, она уже была готова в гости и заискивающе посмотрела на сына. Он посопел, разделся, сел за стол и потребовал:

– Молока.

Нинка налила большую кружку.

– Куда пойдешь? – строго спросил Скорпион. У Нинки сжалось сердце: сейчас вцепится.

– К дяде Володе и дяде... Косте.

– А зачем?

– У дяди Володи день рождения... А ты же знаешь, мы старые друзья, вместе в школе учились... все время вместе.

– С вами и папка вместе был.

– Был, да сплыл, – фыркнула Нинка, – не цепляйся, как скорпион, честное слово. Маленький, а как министр.

– Папка не любит дядю Костю, – настаивал Скорпион.

– А дядя Костя не любит папку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.